

И. В. ИГНАТЧЕНКО

АДОЛЬФ ТЬЕР

**СУДЬБА
ФРАНЦУЗСКОГО
ЛИБЕРАЛА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА**

| Издательский дом **ДЕЛО** |

Игорь Игнатченко

**Адольф Тьер: судьба
французского либерала
первой половины XIX века**

«РАНХиГС»

2017

УДК 130.32
ББК 87.7

Игнатченко И. В.

Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века / И. В. Игнатченко — «РАНХиГС», 2017

ISBN 978-5-7749-1212-4

Книга посвящена одному из наиболее видных политиков Франции XIX века, яркому представителю французского либерализма Адольфу Тьеру. Подавив в 1871 году Парижскую коммуну, Тьер на долгие годы снискал славу Кровавого карлика, жестокого и беспощадного реакционера, и потому серьезного научного изучения его взглядов и политической деятельности не проводилось в России. Предлагаемая работа впервые в отечественной историографии представляет собой попытку показать эволюцию взглядов и политическую деятельность Адольфа Тьера как представителя французского либерализма первой половины XIX века. Для широкого круга читателей, интересующихся историей Франции, политических режимов, общественной мысли и социальной историей.

УДК 130.32

ББК 87.7

ISBN 978-5-7749-1212-4

© Игнатченко И. В., 2017

© РАНХиГС, 2017

Содержание

Предисловие	6
Адо́льф Тьер в отражении архивов и исторических исследований	8
Адо́льф Тьер в зеркале истории: эволюция оценок	25
Глава 1	36
§ 1. Политические взгляды А. Тьера в первой половине 20-х годов XIX века	38
§ 2. Теоретик представительного правления (вторая половина 1820-х – 1830 год)	47
Глава 2	56
§ 1. Начинаящий политик	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Игорь Владиславович Игнатченко
Адольф Тьер: судьба французского
либерала первой половины XIX века

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2017

Предисловие

Научный интерес к либерализму как к идейному и политическому течению вообще и к французскому либерализму в частности резко возрос в России в 90-х годах XX века. В середине 1990-х годов в нашей стране появились первые обобщающие труды по истории западноевропейского либерализма¹, а в начале 2000-х годов вышел сборник статей «Французский либерализм в прошлом и настоящем»², в котором авторы поставили задачу подробно изучить французский либерализм как одну из национальных моделей этого общественно-политического течения.

Одним из наиболее видных и ярких представителей французского либерализма XIX века был Адольф Тьер. Он также являлся знаменитым историком Франции того времени, известным своими трудами «История Французской революции» и «История Консульства и Империи». В годы Июльской монархии (1830–1848) Тьер входил в число самых влиятельных политиков Франции, ему доверяли ответственные посты в правительстве. Дважды он назначался председателем Кабинета министров и министром иностранных дел Франции в 1836 и 1840 годах. Помимо этого он был министром внутренних дел (1832, 1834–1836 годы), министром торговли и общественных работ в 1833 году. Но известен он, в первую очередь, тем, что жестоко подавил Парижскую коммуну в 1871 году. В том же году Адольф Тьер стал одним из основоположников и первым президентом Третьей республики во Франции, самой продолжительной в истории этой западноевропейской страны.

Однако ни взгляды, ни политическая деятельность этого крупного французского либерала еще не были предметом специального исследования в отечественной историографии. Научных работ, посвященных Тьеру как представителю французского либерализма, не появилось и в зарубежной историографии. Здесь преобладают биографы Тьера, которые сосредоточились преимущественно на изучении его политической деятельности³. Но эти исследователи еще не вписали А. Тьера в либеральное движение Франции первой половины XIX века. Кроме того, они мало использовали архивные материалы, позволяющие более подробно изучить как его взгляды, так и его богатую политическую деятельность в годы Июльской монархии.

Становление Тьера как политика пришлось на расцвет либеральной идеологии во Франции. В то же время идейно-политические основы французского либерализма в 30–40-х годах XIX века, в период, когда вся политическая власть в стране полностью находилась в руках либералов, претерпели определенную эволюцию. Наиболее ярко это проявилось во взглядах Адольфа Тьера.

Вместе с тем, когда речь заходит об Адольфе Тьере, российские и зарубежные историки, на наш взгляд, неоправданно «забывают» период Июльской монархии. Эта эпоха всегда находилась в тени Третьей республики, в которой Адольф Тьер был главой исполнительной власти, а затем и президентом. Между тем в 70-х годах XIX века основной проблемой было установление республиканского строя во Франции. В те годы французский либерализм уже не представлял собой самостоятельного идейного течения, что не раз отмечалось историками⁴.

¹ Европейский либерализм в новое время: теория и практика / под ред. С. П. Пожарской. М., 1995; Либерализм Запада XVII–XX вв. / под общ. ред. В. В. Согрина. М., 1995.

² Французский либерализм в прошлом и настоящем / отв. ред. В. П. Смирнов. М., 2001.

³ Allison M. S. J. Thiers and the French monarchy. Boston, 1926; Reclus M. Monsieur Thiers. P., 1929; Allison M. S. J. Monsieur Thiers. N.Y., 1932; Malo H. Thiers. P., 1932; Lecomte G. Thiers. P., 1933; Lucas-Dubreton G. Aspects de Thiers. P., 1948; Pomaret Ch. Monsieur Thiers et son temps. P., 1948; Roux G. Thiers. P., 1948; Christophe R. Le siècle de monsieur Thiers. P., 1966; Castries duc de. Monsieur Thiers. P., 1983; Bury J. P. T., Tombs R. P. Thiers, 1797–1877. A political life. L., 1986; Guiral P. Adolphe Thiers ou de la nécessité en politique. P., 1986; Valance G. Thiers: bourgeois et révolutionnaire. P., 2007.

⁴ Обишкина Е. О. Либерализм и демократия. У истоков Третьей республики // Французский либерализм в прошлом и

Напротив, в период Июльской монархии мы можем судить о Тьере как о представителе французского либерализма не только по его взглядам, но и по конкретной политической деятельности, поскольку в это время Тьер неоднократно занимал крупные государственные посты. Иными словами, на примере изучения взглядов и деятельности одного из наиболее крупных политиков Июльской монархии мы можем рассмотреть французский либерализм «в действии». Это позволит лучше понять специфику французской модели либерализма первой половины XIX века.

Ключевым понятием для французского либерализма с конца XVIII – начала XIX века была свобода. Однако Июльская революция 1830 года во Франции, приведшая либералов к власти и последовавшая за ней нестабильность новой политической системы, острая политическая борьба за власть выдвинули на первый план другое ключевое понятие для французских либералов этого времени – порядок. Начиная с 30-х годов XIX века «порядок» постепенно становится таким же основополагающим и неотъемлемым понятием для французского либерализма, как и «свобода». Поэтому такие проблемы, как соотношение «свобода – порядок» в государстве, а также складывание системы парламентаризма во Франции, представляются нам актуальными и современными темами.

Предлагаемая работа впервые в отечественной историографии представляет собой попытку показать эволюцию взглядов и политическую деятельность Адольфа Тьера как представителя французского либерализма первой половины XIX века. В связи с этим главными направлениями в исследовании стали следующие:

1. Роль Тьера в Июльской революции 1830 года, его понимание представительного правления вообще и характер режима Июльской монархии в частности.
2. Взгляды политика на основные вопросы внутренней и внешней политики в годы Июльской монархии.
3. Эволюция политических взглядов Тьера и выявление факторов, повлиявших на это.
4. Соотношение взглядов Тьера с его политической деятельностью в годы Июльской монархии.
5. Сравнение политических взглядов Тьера с воззрениями других крупных либеральных политиков по основным политическим вопросам в период Июльской монархии.

Следует заметить, что изучение взглядов и деятельности Тьера в период Февральской революции 1848 года и Второй республики (1848–1851), установившейся в результате революции 1848 года во Франции, остается за рамками исследования.

Адольф Тьер в отражении архивов и исторических исследований

Адольф Тьер получил различные оценки в мировой историографии. Одни историки характеризовали Тьера как ничтожного и мелкого политика, другие, напротив, видели в нем великого государственного деятеля Франции, крупного либерала и пламенного патриота своей родины.

В российской дореволюционной историографии о Тьере практически ничего не писали, ограничиваясь некоторыми характеристиками. Историк Н. И. Кареев в многотомном исследовании «История Западной Европы в Новое время» утверждал, что Адольф Тьер по своим политическим взглядам был либеральнее Франсуа Гизо⁵. В другой книге «Политическая история Франции в XIX веке» Н. И. Кареев дал более подробную характеристику Тьеру: «Тьер принадлежал к тому же общественному классу, как и Гизо, но и по уму, и по характеру отличался гораздо большей живостью и меньшей прямолинейностью. Оба они тем не менее были политическими деятелями, защищавшими одни и те же социальные интересы, служившими одним и тем же политическим идеям. Вся разница между ними касалась скорее оттенков общего им направления, чем самого существа направления.

Тьер во время Июльского переворота был уже полностью сформировавшимся человеком, с вполне определенными идеями. Сначала он поддерживал самые дружественные отношения с либералами, но в скором времени строгость, с какой он отнесся к демократическим восстаниям, отвратила от него многих из его прежних политических друзей. В 1836 году он сделался главой министерства, взяв на себя заведование иностранными делами. Несмотря на то что во внутренней политике он оказался весьма уступчивым по отношению к Людовику-Филиппу, последний был крайне недоволен его иностранной политикой, находя ее чересчур либеральной. Вышедши в отставку, вследствие разногласия с королем, Тьер после кратковременного удаления от дел перешел на сторону оппозиции. Весной 1840 года он сделался снова министром. Это было как раз в то время, когда Европа переживала опасный кризис, грозивший войной, и Людовик-Филипп поспешил снова избавиться от министра, казавшегося ему слишком воинственным. После того как образовалось министерство, имевшее фактической главой Гизо, Тьер снова сделался одним из вождей оппозиции, направив ее главным образом против личной политики короля. Одним из политических принципов, которых он держался, был знаменитый девиз, им же и сформулированный: «Король правит, но не управляет»⁶.

Таким образом, Н. И. Кареев подчеркнул, что хотя Тьер и был либералом, но после Июльской революции 1830 года он стал более консервативным политиком, порвав со своими прежними политическими единомышленниками.

В советской историографии имя Адольфа Тьера обычно фигурировало при упоминании кровавого подавления восстаний в Лионе и Париже 1834 года и особенно Парижской Коммуны 1871 года⁷. Нередко Тьера критиковали за подписание мира с Германией в 1871 году⁸. Мнение советских историков всецело основывалось на уничижительных оценках, данных А. Тьеру

⁵ Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время: в 7 т. Т. 5. СПб., 1903.

⁶ Кареев Н. И. Политическая история Франции в XIX веке. СПб., 1902. С. 152.

⁷ Антиохина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. М., 1986; Желубовская Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956; История Франции: в 3 т. М., 1972–1973; Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975.

⁸ Там же.

Карлом Марксом в его знаменитой работе «Гражданская война во Франции», которая являлась своеобразным политическим памфлетом, направленным против Адольфа Тьера⁹.

Негативную оценку деятельности Тьера дал в своей монографии «Лионские восстания 1831 и 1834 гг.» исследователь Ф. В. Потемкин в 1937 году¹⁰. Он писал: «С первых же месяцев Июльской монархии сложилась репутация Тьера как беспринципного и продажного администратора»¹¹. Этот же исследователь – автор раздела по истории Июльской монархии в трехтомнике «История Франции», изданном Академией наук СССР в 1973 году, прямо возлагал ответственность на Тьера за подавление восстаний в Лионе и Париже в 1834 году: «Солдаты убивали не только повстанцев, но и ни в чем не повинных стариков, женщин и детей. Особенно памятны парижанам зверства солдатчины на улице Транснонэн, где был ранен один офицер. Солдаты ворвались в соседний дом и перерезали всех, кто там находился. Наиболее ответственным за эти преступления был Тьер, в то время министр внутренних дел»¹².

Исследователь А. Е. Рогинская, касаясь событий 1834 года, подчеркивала, что «Тьер прямо приказывал избивать женщин и детей, чтобы не оставалось мстителей за павших борцов баррикад. В ход была пущена артиллерия. Особенно свирепствовали войска на улице Транснонэн, отчего все восстание получило в истории название “Резня на улице Транснонэн”»¹³. Ее оценки основывались на мнении французского историка-марксиста Жана Брюа, книга которого была переведена на русский язык несколькими годами ранее¹⁴.

Другой крупный советский исследователь Н. Е. Застенкер в своем труде, посвященном революции 1848 года во Франции, писал: «В оппозиции оказалась и часть крупной буржуазии из правящего лагеря, требовавшая более активной внешней политики, присоединения к Франции левого берега Рейна, защиты французских позиций в Египте. Представителем этой группы был изворотливый политикан, человек ненасытного честолюбия, злобный враг народа – Тьер, который был в первые годы Июльской монархии верным слугой Луи-Филиппа и одно время возглавлял его министерство»¹⁵.

Можно смело утверждать, что деятельность Адольфа Тьера в первой половине XIX века не получила освещения в трудах советских историков. Министр Июльской монархии упоминается в исследованиях только в связи с развитием рабочего движения или изучением кризиса Июльской монархии. Никакого анализа взглядов или деятельности Тьера в историографии советского периода не проводилось, и его личность как либерала и крупного политика Июльской монархии никогда не рассматривалась.

Советские историки, касаясь личности А. Тьера, выносили только оценочные суждения, не подкрепляя их конкретными фактами (это относится прежде всего к первой половине XIX века, а не к Парижской коммуне, которая в отечественной историографии хорошо изучена). Палач Парижской коммуны А. Тьер оказался персоной нон грата в советской историографии. Это не позволяло осмыслить его взгляды и политическую деятельность не только в эпоху Третьей республики, но и более ранних периодов его политической деятельности.

В современной российской историографии с середины 90-х годов XX века возрос интерес к либерализму, в том числе и к французской либеральной модели. Появились первые сборники по европейскому либерализму. В 1995 году сотрудники Института всеобщей истории РАН выпустили первые коллективные труды обобщающего характера по истории западноевро-

⁹ Маркс К. Гражданская война во Франции // Сочинения. М., 1960. Т. 17. С. 324–325.

¹⁰ Потемкин Ф. В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² История Франции: в 3 т. / под ред. А. З. Манфреда. Т. 2. М., 1973. С. 236.

¹³ Рогинская А. Е. Очерки по истории Франции XVII–XIX вв. М., 1958. С. 274.

¹⁴ Брюа Ж. История рабочего движения во Франции. М., 1953. Т. 1.

¹⁵ Застенкер Н. Е. Революция 1848 года во Франции. М., 1948. С. 15.

пейского либерализма под редакцией В. В. Согрина¹⁶ и С. П. Пожарской¹⁷. В первом из названных сборников помещены две статьи Т. М. Фадеевой, впервые в отечественной литературе охватившие историю французского либерализма на всем его протяжении.

В статье Т. М. Фадеевой «Трудные судьбы французского либерализма» Адольф Тьер упоминался только в период его президентства в первые годы Третьей республики, когда речь шла о проблеме утверждения республиканского строя во Франции. Автор статьи рассматривала Тьера лишь как либерального политика¹⁸, а сам период Июльской монархии был представлен только в контексте взглядов Ф. Гизо и А. де Токвиля.

В 2000 году в России вышел в свет сборник «Классический французский либерализм», в котором были собраны основные произведения крупных французских либеральных мыслителей Б. Констана и Ф. Гизо. Во вступительной статье к этому сборнику М. М. Федорова, переводчик сочинений Б. Констана и Ф. Гизо, коротко остановилась на основных особенностях французского либерализма первой четверти XIX века. Однако все внимание было уделено только взглядам этих двух французских либералов¹⁹.

Новым шагом в изучении французского либерализма и его ярких представителей стало опубликование авторским коллективом кафедры новой и новейшей истории МГУ им. М. В. Ломоносова сборника научных статей об особенностях французской национальной модели либерализма²⁰. Не претендуя на всестороннее освещение проблемы, авторы предприняли конкретно-историческое исследование французского либерализма на некоторых важных этапах его исторического развития: от Великой французской революции конца XVIII века до начала XX века. Главное внимание они уделили эволюции либерализма как политического течения, деятельности наиболее известных либералов, национальным особенностям французского либерализма²¹. Интерес для нашего исследования представляют две статьи Е. И. Федосовой, посвященные трудным судьбам французского либерализма периода Реставрации («героического периода французского либерализма») и Июльской монархии, когда либералы были у власти.

В большей степени в России известен Франсуа Гизо – политический соперник А. Тьера. О взглядах и деятельности Ф. Гизо писали Н. П. Танышина и Е. И. Федосова²². Эти же авторы занимались изучением внешней политики Июльской монархии²³, но преимущественно касались периода, когда Ф. Гизо был министром иностранных дел Франции (1840–1848), и рассматривали первые годы Июльской монархии, когда определялся внешнеполитический курс Франции. Внешнеполитическая деятельность Тьера затрагивалась ими в меньшей степени.

Таким образом, в современной российской историографии фигура Адольфа Тьера первой половины XIX века пока не получила освещения. До настоящего времени не появилось

¹⁶ Либерализм Запада XVII–XX вв. / под общ. ред. В. В. Согрина. М., 1995.

¹⁷ Европейский либерализм в новое время: теория и практика / под ред. С. П. Пожарской. М., 1995.

¹⁸ Фадеева Т. М. Трудные судьбы французского либерализма // Либерализм Запада XVII–XX вв. / под общ. ред. В. В. Согрина. М., 1995. С. 65.

¹⁹ Федорова М. М. Классический французский либерализм первой четверти XIX века // Классический французский либерализм. Сборник. М., 2000.

²⁰ Французский либерализм в прошлом и настоящем / отв. ред. В. П. Смирнов. М., 2001.

²¹ Там же. С. 9.

²² Танышина Н. П. Франсуа Гизо – теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000; Федосова Е. И. Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840–1847 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 10; Она же. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2.

²³ Танышина Н. П. Орлеанистская Франция и «европейский концерт». 1830–1848 годы // Новая и новейшая история. 2005. № 3; Она же. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005; Федосова Е. И. Становление внешнеполитического курса Июльской монархии во Франции // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1989. № 2.

отдельных исследований, в которых бы изучались взгляды и деятельность этого крупного французского политика.

Напротив, во Франции существует немало книг, посвященных Тьеру. Прежде всего хотелось бы сказать о большом количестве его биографий. Все они в основном написаны не профессиональными историками, а бывшими коллегами Тьера (если речь идет о второй половине XIX века)²⁴ и литераторами (исключение составляет книга марсельского историка Пьера Гираля)²⁵. Чаще биографии Тьера не носят исследовательского характера, а являются традиционными, наполненными его жизнеописаниями, оценочные характеристики в них не подтверждены историческими исследованиями. Биографы Тьера давали различные оценки тем или иным его поступкам и преимущественно пользовались достаточно узким кругом источников. Основное внимание они уделяли последнему этапу жизни политика – первым годам Третьей республики. Адольф Тьер рассматривался ими как прозорливый государственный деятель и великий патриот своей страны.

Среди биографий Тьера можно выделить принадлежащие перу Шарля Помарэ и Пьера Гираля. Работа Ш. Помарэ существенно отличается от всех предыдущих биографий. Автор отказался от хронологического построения книги, структурировав главы по проблемному принципу. Написанная им биография поделена на три большие части. Первая часть посвящена характеру Тьера, его личным качествам и мнению современников о нем. Эта часть интересна тем, что дает представление о Тьере как о личности. Вторая часть посвящена внутривнутриполитическим взглядам Тьера, а третья рассматривает его внешнеполитическую концепцию. Определяя Тьера как либерала в 20-е годы XIX века, Ш. Помарэ называет его «министром реакции» и «реакционером», говоря о первой половине 30-х годов XIX века, когда тот возглавлял Министерство внутренних дел Франции.

Биография Тьера, написанная Помарэ, не лишена недостатков. Во-первых, автору не удалось полностью следовать выстроенной им самим схеме построения книги: он часто обращается к смежным сюжетам. Во-вторых, бросается в глаза достаточно узкая источниковая база, которую он использовал при написании биографии – парламентские речи Тьера и некоторые мемуары его современников. Наконец, в-третьих, автор не смог уйти от пересказа основных событий из жизни Тьера, которые встречаются во всех других биографиях этого политика.

Единственной биографией Тьера, написанной профессиональным историком, по-прежнему остается книга французского историка Пьера Гираля²⁶. На настоящий момент это наиболее полная биография Тьера. П. Гираль при написании книги привлекал различные источники, включая некоторые архивные материалы. Однако по своей структуре и содержанию эта книга Гираля – традиционное жизнеописание крупного французского политического деятеля.

Последняя на сегодняшний день биография Тьера была написана французским журналистом Жоржем Валансом и вышла в свет в 2007 году²⁷. Несмотря на то что в ней читатель не находит для себя ничего нового по сравнению с предыдущими биографиями Тьера, сам факт ее выхода свидетельствует о неистощаемом интересе в современной Франции к личности Адольфа Тьера.

Однако все биографии Тьера не носят аналитического характера и не дают представления о нем как о либеральном деятеле XIX века.

²⁴ Laya A. Etudes historiques sur la vie privée, politique et littéraire de M. A. Thiers: histoire de quinze ans: 1830–1846. P., 1846. Vol. 1–2; Mazade Ch. M. Thiers. P., 1884; Rémusat de P. Thiers. P., 1889; Simon J. Thiers, Guizot, Rémusat. P., 1885.

²⁵ Aubert J. De quoi vivait Thiers. P., 1952; Castries duc de R. Monsieur Thiers. P., 1983; Christophe R. Le siècle de monsieur Thiers. P., 1966; Lecomte G. Thiers. P., 1933; Lucas-Dubreton G. Aspects de Thiers. P., 1948; Malo H. Thiers. P., 1932; Pomaret Ch. Monsieur Thiers et son temps. P., 1948; Reclus M. Monsieur Thiers. P., 1929; Roux G. Thiers. P., 1948.

²⁶ Guiral P. Adolphe Thiers ou de la nécessité en politique. P., 1986.

²⁷ Valance G. Thiers: bourgeois et révolutionnaire. P., 2007.

В конце 1990-х годов во Франции была опубликована магистерская диссертация специалиста по публичному праву²⁸. Автор труда Фредерик Мартель рассматривает ряд правовых вопросов, связанных с политическим мышлением Тьера: проблема всеобщих выборов, разделение властей, национальный суверенитет, двухпалатная система парламента. Издание представляет собой подборку тематических выдержек из парламентских речей Адольфа Тьера с 1830 по 1877 год с комментариями автора. Это можно назвать первой попыткой французских исследователей приблизиться к осмыслению теоретических воззрений Тьера. Но, к сожалению, исследование французского юриста носит весьма поверхностный характер. Научный интерес представляют только краткие комментарии к выбранным из парламентских речей фрагментам, сгруппированным по правовой тематике. Тем не менее это первая попытка изучить политические взгляды А. Тьера.

Имя Адольфа Тьера также фигурирует в книгах по политической истории Франции XIX века. Во второй половине XIX – первой половине XX века было выпущено несколько многотомных исследований французских историков по политической и дипломатической истории Франции и Европы XIX века. Это книги Л. Грегуара, А. Дебидура, Ш. Сеньобоса, П. Тюро-Данжена и С. Шарлети²⁹. В центре внимания этих историков находилась политическая борьба парламентских группировок, события политической жизни, в связи с чем рассматривалась деятельность Тьера на министерских постах. В этих книгах А. Тьер предстал как крупный политический деятель и либерал первой половины XIX века.

В 60–70-е годы XX века во Франции традиция написания книг по политической истории продолжилась. В книгах французских историков А. Жардана и А.-Ж. Тюдеска, Ф. Вижье давалась краткая биографическая справка о Тьере, в которой этот французский политик рассматривался как либерал, коротко перечислялась его основная политическая деятельность на министерских постах³⁰. А. Жардан определял Тьера как «человека порядка <...> практиковавшего национальную политику»³¹.

В 80–90-е годы XX века стали выходить книги по политологии, истории политических сил во Франции, продолжился выпуск изданий по политической истории Франции XIX века. Во всех этих книгах Адольф Тьер упоминался как либеральный журналист, позднее ставший известным политиком³². Тем не менее специальное изучение взглядов Тьера не было предпринято ни одним французским историком, занимавшимся политической историей Франции.

Важной вехой в изучении французской модели либерализма в самой Франции следует считать 80-е годы XX века. Именно в это десятилетие появляются первые крупные научные исследования по истории французского либерализма, написанные историками Л. Жираром и А. Жарданом³³. В 90-е годы XX века появилась еще одна крупная работа по этой теме – книга

²⁸ Martel F. La philosophie du droit et la philosophie politique de M. Thiers. P., 1998.

²⁹ Грегуар Л. История Франции в XIX веке. М., 1894. Т. 1–2; Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878 гг.) / пер. с. фр. Ростов н/Д., 1995. Т. 1; Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. 1814–1896. СПб., 1898. Т. 1–2; Charlety S. La monarchie de juillet. (1830–1848). Histoire de France contemporaine. Ed. par E. Lavissee. P., 1921. Vol. 5; Thureau-Dangin P. Histoire de la monarchie de juillet. P., 1887–1892. Vol. 1–7.

³⁰ Jardin A., Tudesq A. J. La France des notables. 1815–1848. P., 1973. Vol. 1. L'évolution générale. 1815–1848; Rémond R. La vie politique en France depuis 1799. P., 1969. Vol. 1. 1789–1848; Vigier Ph. La monarchie de Juillet. P., 1965.

³¹ Jardin A., Tudesq A. J. La France des notables. 1815–1848. P., 1973. Vol. 1. L'évolution générale. 1815–1848. P. 51. (Здесь и далее перевод автора. – Примеч. ред.).

³² Bakouche I. La monarchie parlementaire 1815–1848. De Louis XVIII à Louis Philippe. P., 2000; Chevalier J.J., Conac G. Histoire des institutions et des régimes politiques de la France de 1789 à nos jours. P., 1991; Histoire des droites en France / sous la dir. de J.-F. Sirinelli. P., 1992. Vol. 1. Politique; Leveque P. Histoire des forces politiques. 1789–1880. P., 1992. Vol. 1; Rémond R. Les droites en France. P., 1982; Robert H. La monarchie de Juillet. P., 1994; Robert H. L'orléanisme. P., 1992; Rosanvallon P. Le modèle politique française. P., 2001; Rosanvallon P. Le peuple introuvable. Histoire de la représentation démocratique en France. P., 1998; Rosanvallon P. Le sacre du citoyen. Histoire du suffrage universel. P., 1990; Touchard P. Histoire des idées politiques. P., 1993. Vol. 2. Du XVIII siècle à nos jours; Tulard J. Les révolutions 1789–1851. P., 1985.

³³ Girard L. Les libéraux français. 1814–1875. P., 1985; Jardin A. Histoire du libéralisme politique de la crise de l'absolutisme

французского философа и политолога Л. Жоме³⁴. В этих изданиях авторы подробно остановились на эволюции либеральных идей во Франции, взяв за исходную точку Великую французскую революцию конца XVIII века, а за конечную – установление Третьей республики. Все эти исследователи, касаясь взглядов и деятельности А. Тьера, рассматривали его как либерала и крупного политика, однако основное внимание они уделяли периоду установления Третьей республики. В годы Июльской монархии в центре внимания этих авторов были взгляды либералов Франсуа Гизо и Алексиса де Токвиля.

В книге Г. де Бройля «Орлеанизм. Либеральный источник Франции», вышедшей в 1981 году, отмечалось, что «Тьер был более трехцветным, чем Гизо и даже де Бройль»³⁵, то есть Тьер был либеральнее этих политиков. Однако иных упоминаний о Тьере в этой книге, посвященной французскому либерализму 1830–1840-х годов, не содержится.

В целом можно утверждать, что во французской историографии А. Тьера всегда рассматривали как либерального политика. Однако основное внимание исследователей преимущественно было приковано к первым годам Третьей республики, когда решалось, каким будет государственный строй в этой стране. В то же время период Июльской монархии, когда речь заходила о Тьере, не очень интересовал историков. Как правило, французские историки изучали преимущественно деятельность Тьера на различных министерских постах. Его взглядами, особенно в первой половине XIX века, фактически никто не занимался.

Англосаксонская историография первой половины XX века представлена двумя биографиями Тьера, написанными американским историком Джоном Эллисоном³⁶. Эти книги полностью перекликаются с биографиями Тьера, написанными французскими авторами. Основное внимание в этих книгах уделено политической истории Франции XIX века и роли Тьера в тех или иных событиях. Тьер рассматривается как либеральный политик.

Во второй половине XX – начале XXI века появилось несколько работ по политической истории Франции XIX века, написанных английскими и американскими историками³⁷. В них исследователи продолжают видеть в Тьере крупного политика в годы Июльской монархии.

Несмотря на то что некоторые британские авторы сомневаются в правомерности отнесения Тьера к французским либералам XIX века, в целом в англо-американской историографии он рассматривается как либеральный политик³⁸. В то же время исследования англосаксонских историков носят поверхностный характер, в них отсутствует глубокий анализ взглядов Тьера и не показана сама эволюция этих взглядов.

* * *

В ходе исследования была изучена большая база исторических источников, которые можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся официальные государственные документы и дипломатическая переписка. Вторая группа – личная переписка А. Тьера и его современников. Третья группа включает в себя парламентские дебаты и парламентские речи политика. Обширная мемуарная и дневниковая литература формирует четвертую группу

à la constitution de 1875. P., 1987.

³⁴ Jaume L. L'individu effacé ou le paradoxe du libéralisme. P., 1997.

³⁵ Broglie G. de. L'orléanisme. La ressource libérale de la France. P., 1981. P. 80.

³⁶ Allison M. S.J. Thiers and the French monarchy. Boston, 1926; Idem. Monsieur Thiers. N.Y., 1932.

³⁷ Beik P. Louis Philippe and the July monarchy. Princeton, 1965; Cobban A. A history of modern France. 1799–1871. L.; N.Y., 1965. Vol. 2; Collingham H. A. C., Alexander R. S. The July monarchy. A political history of France. 1830–1848. N.Y., 1988; Johnson D. Guizot: Aspects of French history, 1787–1874. L., 1963; Pilbeam P. M. The Constitutional monarchy in France, 1814–1848. L., 2000; Price M. The perilous crown: France between revolutions, 1814–1848. L., 2007; Revolutionary France. 1788–1880 / ed. by M. Crook. Oxford, 2002.

³⁸ Albrecht-Carrié R. Adolphe Thiers or the triumph of the bourgeoisie. N.Y., 1977; Bury J. P. T., Tombs R. P. Thiers, 1797–1877. A political life. L., 1986.

источников. В пятую группу входит памфлетная литература. Наконец, шестую группу составляет французская периодическая печать.

Официальные государственные документы и дипломатическая переписка. В эту группу входят документы из Национального архива Франции, а также дипломатическая переписка и иные документы, хранящиеся в архиве МИД Франции в Париже и Архиве внешней политики Российской империи в Москве. Также к этой группе относятся опубликованные французские и британские дипломатические документы периода Восточного кризиса 1839–1841 годов, когда Адольф Тьер стоял во главе МИД Франции.

Национальный архив Франции в Париже располагает документами, ценными для изучения периода 1832–1836 годов, когда А. Тьер возглавлял Министерство внутренних дел Франции. При написании этой работы был использован фонд, содержащий переписку по уголовным делам Министерства юстиции с Министерством внутренних дел Франции в 30-е годы XIX века³⁹. Помимо этого был изучен фонд, содержащий отчеты префектов в период с 1832 по 1836 год⁴⁰. В Национальном архиве Франции автором была обнаружена ценная записка главного комиссара полиции Франции о начале восстания на площади Сен-Жан в Лионе 9 апреля 1834 года⁴¹. Информация главного комиссара полиции заметно расходилась с официальной версией произошедшего, публично озвученной французским правительством и лично Тьером как главой Министерства внутренних дел позднее.

Также в Национальном архиве Франции была изучена папка с письмами французских префектов на имя министра внутренних дел Франции за период с 1822 по 1823 год. Эти письма интересны тем, что в них префекты сообщали о перемещениях Тьера во время его путешествия к франко-испанской границе (накануне французской интервенции в Испанию в 1823 году) и давали ему личные характеристики. Эта папка с письмами префектов находится в фонде Министерства внутренних дел, подраздел «Общая полиция»⁴².

В архиве МИД Франции содержится дипломатическая переписка А. Тьера с послами разных стран в 1836 и 1840 годах, когда Тьер возглавлял внешнеполитическое ведомство Франции. Эта официальная переписка содержится в фонде «Политическая корреспонденция». Наибольшее внимание в настоящем исследовании уделено дипломатической переписке за 1836 год, поскольку этот период недостаточно известен в мировой историографии. Большинство писем за 1836 год вводится в научный оборот впервые⁴³. Были изучены папки с перепиской Тьера с французскими послами в Великобритании, Австрийской империи, Пруссии, Бадена, Баварии, Вюртемберга, Швейцарии, Испании, Португалии, Греции, Сардинии и Папского государства, Османской империи, а также консульства в Александрии. Также была изучена официальная переписка Тьера с французским послом в Великобритании Ф. Гизо в 1840 году в период Восточного кризиса и второго министерства Тьера в 1840 году.

В архиве МИД Франции были изучены фонд «Политические циркуляры» за 1836 год⁴⁴ и фонд «Анализ прессы с февраля по май 1836 года»⁴⁵, когда Тьер впервые возглавил МИД Франции.

Дипломатическая корреспонденция французского правительства также отражена в двух сборниках документов. Первый сборник был опубликован в 60 – 70-х годах XIX века баро-

³⁹ Archives Nationales de France (далее – А. Н.). BB 18. Ministère de Justice. Division criminelle: correspondance générale.

⁴⁰ А. Н. F/1c/I/33. Esprit public. Objets généraux 1831–1834. Comptes rendus des préfets.

⁴¹ А. Н. CC 554. Minute de rapport du commissaire central de police sur le commencement de l'insurrection Place Saint Jean, 9 avril 1834.

⁴² А. Н. Ministère de l'Intérieur. Police Générale. 1822–1823. Lettres des Préfets au Ministre de l'Intérieur.

⁴³ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее – ААЕ). Correspondance politique. 1836. Bade, Bavière, Espagne, Grèce, Portugal, Rome, Sardaigne, Suisse, Turquie, Wurtemberg.

⁴⁴ ААЕ. Circulaires politiques. 1836. France et divers Etats. Vol. 737.

⁴⁵ ААЕ. Analyse de la presse de février à mai 1836. France et divers Etats. Vol. 729.

ном Теста. Он начал работать над ним по личному распоряжению императора Наполеона III. «Сборник договоров Оттоманской Порты с иностранными державами» составлен по тематическому принципу⁴⁶. Автор стремился показать, что политика Франции по отношению к Турции носила дружеский и бескорыстный характер. Публикуя документы, Теста отражал и колониальную экспансию Великобритании в страны Ближнего Востока. Большой раздел во втором и третьем томах посвящен турецко-египетскому кризису и англо-французскому конфликту 1840 года. В сборнике частично опубликована переписка Тьера с Гизо в феврале – декабре 1840 года, отражающая позицию Франции в ходе Лондонской конференции и во время англо-французского кризиса.

Вторым собранием французских документов является публикация, подготовленная Э. Дрио, крупным специалистом по восточному вопросу во Франции⁴⁷. Особенностью этой публикации является то, что в ней наиболее широко представлены документы из египетских архивов. Тем не менее основу сборника составляет переписка министров иностранных дел Франции с консулами в Александрии. Дрио готовил это издание по заказу египетского короля Фуада I, стремившегося возвеличить основателя династии и египетского государства Мухаммеда Али. Пяти томный сборник включает документы с апреля 1839 по декабрь 1841 года. В нем отражены позиция Франции по отношению к Мухаммеду Али, колониальная агрессия Англии против Египта, широко освещены турецко-египетские переговоры по урегулированию территориального вопроса в период Восточного кризиса 1839–1841 годов. В данном исследовании привлечены материалы третьего, четвертого и пятого томов, проливающие свет на позицию держав на заключительном этапе кризиса.

Были привлечены опубликованные британские дипломатические документы для более глубокого изучения Восточного кризиса на той стадии, когда Тьер возглавлял французское правительство⁴⁸.

Для ознакомления парламента с внешней политикой английское Министерство иностранных дел по горячим следам опубликовало документы, относящиеся к турецко-египетскому кризису в так называемых Синих книгах⁴⁹. В обширную публикацию вошли все официальные ноты и меморандумы английского правительства, переписка МИД Великобритании с французским Кабинетом министров, турецким правительством и египетским пашой, значительное количество подлинных турецких документов. Однако основу сборника составляет дипломатическая корреспонденция Пальмерстона и английских послов в Константинополе, Париже, Петербурге и Вене. Эта переписка достаточно рельефно освещает позицию Англии в восточном вопросе. Следует отметить, что сборник носит явно тенденциозный характер, рисуя идеалистическую картину «дружеского» участия Англии в судьбах Турции.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) была изучена официальная дипломатическая переписка в период Восточного кризиса 1840 года, в то время, когда Тьер возглавлял МИД Франции. Донесения и депеши русских послов, инструкции МИД своим представителям за границей собраны в фонде «Канцелярия»⁵⁰. Документы скомплектованы по хронологическо-тематическому принципу в дела. Каждое дело содержит в себе донесения одного из послов, подобранные в хронологическом порядке. Русские представители за границей обычно направляли в МИД донесения и депеши, написанные на французском языке писарским почерком на бумаге одинакового формата. Каждое донесение помечено определенной датой, имеет регистрационный номер и подписано послом. Вся дипломатическая почта

⁴⁶ Testa I. Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. P., 1872. Т. 2–3.

⁴⁷ Correspondance. L'Egypte et l'Europe, la crise de 1839–1841 / éd. par E. Driault. Cairo, 1933–1934. Т. 1–5.

⁴⁸ British Parliamentary Papers: Correspondence relative to the affairs of the Levant (Accounts and papers 1841). Session 1841. L., 1841. Vol. 29.

⁴⁹ Correspondence relative to the affairs of the Levant. L., 1842. Vol. 1–3.

⁵⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия.

доставлялась в Россию специальными курьерами. Послы приурочивали свои донесения ко дню отправки курьера. Поэтому в делах определенная группа документов помечена одним числом. В Канцелярии МИД каждое донесение снабжалось титульным листом, на котором отмечалась дата поступления и кратко излагалось содержание документа.

На полях донесений русских послов нередко встречаются карандашные пометки царя и министра иностранных дел, сами по себе являющиеся важным историческим источником. К донесениям регулярно прилагались копии официальных документов, а также вырезки из иностранных газет и журналов с французским переводом. Были изучены донесения русских послов из Парижа – графа Медема, бывшего послом до августа 1840 года, и П. П. Палена, сменившего Медема⁵¹, а также отчеты МИД за 1840 год⁵².

Личная переписка. Личная переписка Адольфа Тьера хранится преимущественно в двух французских архивах – в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции в Париже и в Библиотеке Тьера на площади Сен-Жорж в Париже. Большая часть переписки Тьера, носящая политический характер, собрана в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции⁵³. Личная переписка Тьера составляет 88 объемных томов, сформированных по хронологическому принципу. Незначительная часть этой крайне объемной переписки была опубликована Даниэлем Алеви в начале 20-х годов XX века⁵⁴.

Переписка Тьера, носящая более личный характер и в меньшей степени связанная с политикой, хранится в Библиотеке Тьера. Библиотека Тьера располагается в старинном особняке, ранее принадлежавшем семейству Тьер, который был заново отстроен после его полного разрушения в ходе Парижской коммуны в 1871 году. В настоящее время Библиотека Тьера является подразделением Института Франции и находится в ведении Французской академии наук. Стоит отметить, что для работы в этой библиотеке, являющейся одновременно и архивом семейства Тьер и Досн, требуется письменная рекомендация от двух французских академиков. В нашем исследовании мы использовали фонд «Письма Тьера, адресованные различным лицам»⁵⁵. Этот фонд богат личной перепиской Тьера в первые годы Июльской монархии.

Среди опубликованной личной переписки Тьера следует отметить переписку с госпожой Досн и госпожой Тьер – своей тещей и женой соответственно⁵⁶. Эта переписка, относящаяся к периоду 40 – 60-х годов XIX века, позволяет проследить взгляды Тьера в 40-е годы, когда он уже не занимал ответственных постов в правительстве и находился в оппозиции к министерству Сульта – Гизо. Следует выделить переписку Тьера с бароном Котта фон Коттендорфом – владельцем Аугсбургской газеты, в которой Тьер активно публиковался в 1820-е годы⁵⁷. С этим немецким бароном Тьер переписывался в течение второй половины 20-х – начале 30-х годов XIX века, периодически комментируя политические события во Франции.

Также для исследования важна личная переписка Тьера с его давним марсельским приятелем Жозефом Тома – префектом департамента Буш-дю-Рон, которую он вел в первой половине 30-х годов XIX века. Надо сказать, что эта переписка – ценный источник по выяснению взглядов Тьера в самый начальный период его политической карьеры. Несмотря на то что Тьер просил Тома сжигать всю личную переписку с ним (как это делал Тьер), Тома сохранял копии

⁵¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Париже.

⁵² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1840 г.

⁵³ Bibliothèque Nationale de France. Département des manuscrits (далее – BNF). Nouvelles Acquisitions Françaises: Correspondance et papiers d'Adolphe Thiers, ministre de Louis-Philippe et président de la République française (1830–1877). (далее – NAF). № 20061–20067.

⁵⁴ Halévy D. Le Courrier de M. Thiers (d'après les documents conservés au département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale). P., 1921.

⁵⁵ Bibliothèque Thiers. Fonds Thiers, 1re série. № 24. Lettres de M. Thiers adressées à divers (1824 à 1877).

⁵⁶ Correspondance. M. Thiers à Mme Thiers et à Mme Dosne. Mme Dosne à M. Thiers. (Publiée par Félicie Dosne). P., 1904.

⁵⁷ Marquant R. Thiers et le baron Cotta. Etude sur la collaboration de Thiers à la Gazette d'Augsbourg. P., 1959.

переписки с Тьером. Поэтому 52 письма, датированные между 1831 и 1837 годами, были сохранены в архиве департамента Буш-дю-Рон и в начале 50-х годов XX века выпущены отдельным изданием⁵⁸. Библиотека Тьера в Париже смогла собрать еще 24 письма от крупного французского политика на имя префекта⁵⁹. Также в Национальной библиотеке Франции сохранилось три письма префекта к Тьеру.

Не менее интересной выглядит личная переписка Тьера с итальянцем Паницци в преддверии Февральской революции 1848 года, которую можно встретить в книге Л. Фагана «Жизнь сэра Энтони Паницци»⁶⁰. Антонио Паницци (1797–1879) – известный библиотекарь и бывший карбонарий. Приняв участие в Пьемонтской революции 1821 года, он был приговорен к смертной казни, но ему удалось бежать из Италии. Он укрылся в Англии, где с 1831 года начал работать в Библиотеке Британского музея. С 1856 по 1866 год Антонио Паницци был директором этой библиотеки. Его переписка с Тьером позволяет лучше изучить взгляды политика накануне и во время Февральской революции 1848 года.

Важную переписку между Тьером и Гизо в 1840 году можно найти в статье французского историка Ш. Путаса⁶¹. Он приводит письма из архива Валь-Рише, где находилось поместье Ф. Гизо.

Эти документы, до настоящего времени неизвестные в отечественной историографии, существенно дополняют официальную переписку между министром иностранных дел в 1840 году А. Тьером и французским послом в Англии Ф. Гизо. Папка с перепиской Тьера и Гизо, находящаяся в Валь-Рише, содержит 48 частных писем за 1840 год от Тьера к Гизо, а также 70 писем от Гизо к Тьеру. Частная переписка дублирует официальную переписку, комментируя или дополняя ее. Она также заполняет пробелы в официальной корреспонденции. В архиве МИД Франции хранится только 8 официальных писем Тьера, предшествующих началу августа 1840 года, когда Тьер и Гизо встретились во Франции для проведения консультаций с французским королем. Поэтому частная переписка является существенным подспорьем для выяснения позиций Тьера и Гизо в ходе Восточного кризиса. Некоторые письма Ш. Путаса приводит целиком, обильно цитирует частную переписку Тьера – Гизо. Это представляет для нас гораздо больший интерес, чем сам анализ Путаса этой переписки, который носит явно поверхностный характер.

Парламентские дебаты и парламентские речи Адольфа Тьера. Парламентские дебаты и парламентские речи Тьера, опубликованные отдельным многотомным изданием в конце XIX века, являются очень важным источником по выяснению политических взглядов политика⁶². Парламентские выступления были опубликованы сенатором А. Калмоном. В течение десяти лет, с 1879 по 1889 год, было издано шестнадцать томов, из которых пятнадцать содержали все речи, произнесенные Тьером за его долгую политическую карьеру с 1830 по 1877 год, последний том – справочный, в нем содержатся многочисленные пояснения к предыдущим томам.

Издатель А. Калмон написал в декабре 1878 года предисловие ко всему изданию. Опубликование речей, по словам сенатора, это воля вдовы А. Тьера и законное желание отдать дань памяти ему: «Нашим желанием было не только отдать дань уважения этому выдающемуся человеку, который почтил нас своей дружбой и доверием. Мы также подумали, что будет интересным и исторически полезным познакомить читателя с парламентской жизнью Тьера, которую он посвятил в течение сорока семи лет служению Франции, жизнью, которая с первого и

⁵⁸ *Lettres de J. A. M. Thomas, préfet des Bouches-du-Rhône, à Adolphe Thiers (1831–1836)*, éd. par Jean Vidalenc. Aix-en-Provence, 1953.

⁵⁹ *Bibliothèque Thiers, fonds Thiers, 1re série. № 24. Lettres de M. Thiers à divers (1824 à 1877)*.

⁶⁰ *Fagan L. The life of Sir Anthony Panizzi, K. C. B. L., 1880. Vol. 1.*

⁶¹ *Pouthas Ch. La politique de Thiers pendant la crise orientale de 1840 // Revue historique. Vol. 182. Janvier – June 1938.*

⁶² *Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. P., 1879–1889. Vol. 1–16.*

до последнего дня управлялась принципами, которые, несмотря на различные обстоятельства и беспокойные времена, всегда оставались неизменными»⁶³. Как видно, Калмон был не только другом Тьера, но и его верным сторонником, восхищавшимся безграничными талантами этого французского политика.

Адольф Тьер участвовал во всех важных дебатах по внутренней и внешней политике, финансам, вопросам муниципальной и департаментской администрации, общественным работам, армии, проблемам коммерции, публичного и международного права. Широта охваченного им диапазона проблем не может не радовать современного исследователя.

Речи Тьера позволяют лучше понять его позиции и взгляды относительно многих вопросов.

Следует отметить, что данный вид источника имеет и свои особенности. Красноречие и использование различных речевых оборотов Тьером часто уводит от сути проблемы, отодвигает на второй план логику аргументов и суть высказываний. С другой стороны, разнообразие тем его речей и их злободневность в то же время заставляют оратора ярче раскрывать свою аргументацию, свои позиции. В целом можно утверждать, что это достаточно информативный и объемный источник, позволяющий лучше раскрыть заявленную тему.

Парламентские дебаты, издававшиеся во второй половине XIX – начале XX века, в определенной степени дополняют парламентские речи Тьера, поскольку они содержат выступления других политиков по тем же вопросам, по которым он выступал⁶⁴. Сравнение позиций ораторов также способствует более глубокому пониманию позиций Тьера и того, чем его взгляды отличались от других парламентариев.

Мемуары и дневники. Большую группу источников составляет обширная мемуарная и дневниковая литература. Авторы мемуаров и дневников отличались по политическим взглядам, и это всегда нужно учитывать при работе с мемуарной литературой. Среди воспоминаний следует прежде всего выделить воспоминания самого Тьера о революции 1848 года⁶⁵. В 1902 году они были опубликованы Фелисией Досн – сестрой жены Тьера. Книга, несмотря на небольшой объем (73 страницы), дает нам представление о восприятии политиком этих судьбоносных событий во французской истории. Фелисия Досн смогла собрать различные записи Тьера, относившиеся к Февральской революции 1848 года, и опубликовать их отдельным изданием уже после его смерти. Необходимо сказать, что это очень редкое издание. В российских библиотеках оно отсутствует, так же как и в Библиотеке Тьера в Париже. Его удалось найти в отделе редких книг Национальной библиотеки Франции.

Еще одним ценным изданием является «Полная история господина Тьера»⁶⁶. В Москве эту книгу можно найти только в двух библиотеках – ИНИОН РАН и в Научной библиотеке им. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. В обеих библиотеках автором этой книги значится Адольф Тьер, год ее издания неизвестен – именно такую информацию можно почерпнуть из библиотечных картотек. Однако во время работы во французских библиотеках удалось выяснить, что эта книга была выпущена в 1878 году, а ее авторство принадлежит неизвестному лицу. Вместе с тем в ней встречается много изречений А. Тьера, что позволяет рассматривать это издание как важный источник.

Для выяснения взглядов Тьера также важны мемуары госпожи Досн – его тещи, изданные после ее смерти⁶⁷. Госпожа Досн вела своеобразную политическую хронику, освещая перипетии политической борьбы в годы Июльской монархии и имея возможность постоянно бесе-

⁶³ Ibid. Vol. 1. P., 1879. P. II.

⁶⁴ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueils complets des débats législatifs et politiques des chambres françaises. Fondé par J. Mavidal et E. Laurent. P., 1862–1913. Deuxième série. Vol. 99–106.

⁶⁵ Thiers A. Notes et Souvenirs de M. Thiers. 1848. Révolution du 24 février. P., 1902.

⁶⁶ s. a. Histoire complète de m. A. Thiers. Sa jeunesse, ses oeuvres, ses discours, sa vie politique, sa mort. P., 1878.

⁶⁷ Dosne E. Mémoires de Madame Dosne, l'égérie de M. Thiers. P., 1928. Vol. 1–2.

довать с Тьером о политике и получать полную информацию. Следует отметить, что Тьер правил текст, написанный Досн. Таким образом, мемуары Досн отражают и позицию самого Тьера. Важность воспоминаний Досн объясняется большой информативностью, подробностями. Однако следует помнить, что Досн всегда стремилась показать только успехи Тьера и доказать правильность его позиций, поэтому при оценке тех или иных событий необходимо сравнивать мемуары Досн с другими источниками.

Большой интерес представляют воспоминания Шарля Ремюза – близкого друга и политического соратника Тьера с начала 30-х годов XIX века⁶⁸. Шарль Франсуа Мари, граф де Ремюза был видным деятелем французского либерального движения в эпоху Реставрации и в годы Июльской монархии. После опубликования ордонансов в июле 1830 года он подписал протест журналистов вместе с Тьером, с которым к тому времени он уже сблизился. После революции 1830 года он вел активную политическую жизнь. Ремюза был избран депутатом в октябре 1831 года и присоединился в парламенте к «партии сопротивления» как и все доктринеры. В 1840 году в Кабинете Тьера он получил пост министра внутренних дел. С отставкой Тьера Ремюза перешел в оппозицию и находился в ней вплоть до краха Июльской монархии, выступая за проведение курса умеренных реформ⁶⁹.

В настоящем исследовании использованы воспоминания крупных политических деятелей и видных представителей французского либерализма в годы Июльской монархии, политических соперников и оппонентов А. Тьера: правых либералов Франсуа Гизо, Виктора де Бройля и его сына Альбера де Бройля, барона Проспера де Баранта, либерала-центриста и руководителя «третьей партии» Андре Дюпэна, левых либералов Одилона Барро, Жака Лаффита, Проспера Дювержье де Орана и других политиков.

Важным источником в изучении эпохи Июльской монархии являются воспоминания крупного политического деятеля того периода Франсуа Гизо⁷⁰. Уже в годы Реставрации Франсуа Гизо (1787–1874) играл большую роль в либеральной оппозиции режиму Карла X. После «трех славных дней» и прихода к власти Луи-Филиппа Орлеанского Гизо вошел в правительство новой либеральной монархии. Вплоть до 1836 года он руководил различными министерствами. В 1840 году после отставки правительства Тьера Гизо – главный политический конкурент Тьера – неофициально возглавил французское правительство, занимая пост главы МИД Франции в Кабинете министров престарелого маршала Сульта. Впоследствии с именем Гизо станет ассоциироваться консервативный облик режима Июльской монархии.

Занимая важные государственные посты, Гизо работал в министерствах вместе с Тьером и хорошо его знал. Они были политическими соперниками, поэтому оценки, которые давал Гизо Тьеру, представляются, с одной стороны, любопытными, а с другой стороны, к ним следует относиться взвешенно и осторожно, так как мемуары были написаны Гизо значительно позже отраженных в них событий.

Еще одним источником являются воспоминания герцога Виктора де Бройля, изданные после его смерти⁷¹. Виктор де Бройль стал видным либеральным политиком уже в годы Реставрации. С конца 1820-х годов он окончательно сформировал свой идеал государственного устройства – конституционная монархия по английскому образцу. Несмотря на то что де Бройль не принимал участия в июльских событиях, он был горячим сторонником революции 1830 года и поддержал кандидатуру Луи-Филиппа Орлеанского. В первой половине 30-х годов XIX века он был одним из самых влиятельных ораторов «партии сопротивления», куда входили Франсуа Гизо и Казимир Перье. Де Бройль постоянно занимал различные мини-

⁶⁸ *Rémusat de Ch. Mémoires de ma vie. P., 1951–1967. Vol. 2–4.*

⁶⁹ *Dictionnaire de l'histoire de France / Sous la dir. de J.-F. Sirinelli et D. Couty. P., Armand Colin, 1999. Vol. 2. P. 685.*

⁷⁰ *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1858–1867. Vol. 1–8.*

⁷¹ *Broglie duc de V. Mémoires. P., 1885–1886. Vol. 1–4.*

стерские посты, несколько лет он возглавлял МИД Франции, а в 1835 году герцог де Бройль возглавил Кабинет министров. В последующие годы, будучи депутатом, он поддерживал Гизо и его политику⁷². Либеральный политик де Бройль постоянно входил в правительства Июльской монархии и хорошо знал Тьера. Поэтому мемуары де Бройля представляют определенный интерес. Однако они доведены лишь до 1832 года, когда умер председатель правительства Казимир Перье; но хорошо известно, что все высокие государственные посты Тьер занимал уже после смерти Казимира Перье. Тем не менее нельзя не отметить ценность данного источника по истории периода 1820-х – начала 1830-х годов.

Логическим продолжением мемуаров Виктора де Бройля стали воспоминания его сына – Альбера де Бройля. В них автор начал повествование с 1832 года, с того самого места, на котором оборвались мемуары Виктора де Бройля⁷³. Благодаря этим мемуарам мы можем судить о позиции семейства де Бройль в связи с теми или иными событиями Июльской монархии. Вполне естественно, что при написании мемуаров по Июльской монархии Альбер беседовал со своим отцом, а потому них отражена и позиция Виктора де Бройля.

Важным источником по эпохе Июльской монархии являются воспоминания Андре Дюпэна⁷⁴. В этих мемуарах подробно освещается парламентская борьба и в целом политическая история 30–40-х годов XIX века. Андре-Мари-Жан-Жак Дюпэн, или Дюпэн-старший (1783–1865), как его принято называть, – адвокат и французский политический деятель, близкий к королю Луи-Филиппу. В годы Июльской монархии он возглавлял так называемую третью партию – одну из политических фракций в парламенте и долгое время являлся председателем палаты депутатов (с 1832 по 1839 год), при этом постоянно отказываясь войти в состав правительства. В 40-е годы XIX века он стал пэром Франции⁷⁵.

Другой видный французский политик Одилон Барро также оставил свои мемуары⁷⁶. Уже к концу 1820-х он стал одним из главных представителей левого крыла либеральной партии. С 1827 года Барро был членом общества «На Бога надейся, а сам не плошай», основанного в августе 1827 года Франсуа Гизо, и возглавил банкет против короля Карла X. После ордонансов 26 июля 1830 года Барро присоединился к Национальной гвардии и принял активное участие в революции 1830 года. Он поддержал идею конституционной монархии, выступил в пользу герцога Орлеанского, против республиканцев. После установления новой монархии Барро перешел в оппозицию к режиму Июльской монархии. Находясь в палате депутатов, он руководил династической оппозицией – конституционными левыми монархистами, защищая идею королевской власти, окруженной республиканскими учреждениями. Одилон Барро постоянно требовал проведения избирательной реформы, конфликтовал с министрами Гизо и Монталиве; в итоге именно он организовал кампанию банкетов накануне революции 1848 года⁷⁷.

Мемуары О. Барро были опубликованы лишь после его смерти, в 1873 году, его другом, депутатом Проспером Дювержье де Ораном, написавшим предисловие к четырехтомному изданию. С точки зрения ценности этих мемуаров как исторического источника важно отметить, что Барро постоянно участвовал в большой политике эпохи Июльской монархии и мог судить о происходящих событиях с большей осведомленностью. Однако он расходился во взглядах по определенным вопросам со многими парламентариями, что могло отразиться на его восприятии событий, отраженных в мемуарах.

⁷² Premiers ministres et Présidents du Conseil. Histoire et dictionnaire raisonné des chefs du gouvernement en France (1815–2002) / Sous la dir. de Benoît Yvert. P.: Perrin, 2002. P. 112–115.

⁷³ Broglie duc de A. Mémoires. P., 1938. Vol. 1–2.

⁷⁴ Dupin A. Mémoires de Dupin aîné. Carrière politique, souvenirs parlementaires. P., 1855–1861. Vol. 1–4.

⁷⁵ Robert A., Boursillon E., Cougny G. Dictionnaire des parlementaires français. P., 1891. Vol. 2. P. 490.

⁷⁶ Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. P., 1875–1876. Vol. 1–4.

⁷⁷ Dictionnaire de l'histoire de France / Sous la dir. de J.-F. Sirinelli et D. Couty. P.: Armand Colin, 1999. Vol. 1. P. 143.

Много томное исследование П. Дювержье де Орана «История парламентского правления во Франции, 1814–1848 гг.» можно в равной мере считать политическими мемуарами⁷⁸. В своем десяти томном труде депутат французского парламента в годы Июльской монархии дал развернутую картину политической истории Франции первой половины XIX века.

Ценность данной работы де Орана заключается в том, что он был не только свидетелем эпохи Июльской монархии, но и непосредственным участником событий того времени. Проспер Дювержье де Оран (1798–1881) – журналист и французский политический деятель, ставший депутатом в 1831 году. В первой половине 30-х годов XIX века он поддерживал репрессивную политику министерств Июльской монархии, но с 1836 года перешел в оппозицию к правительствам Моле и Сульта – Гизо.

Став либералом-реформистом к концу 1830-х годов, П. Дювержье де Оран сблизился с Тьером. В 1840-е годы он был верным политическим соратником Одилона Барро и принял активное участие в банкетной кампании, предшествовавшей Февральской революции 1848 года⁷⁹.

Не менее ценным источником являются воспоминания французского журналиста Франсуа-Адольфа Шамболя (1802–1883)⁸⁰. Он был сотрудником газеты «Насьональ», где работал вместе с Каррелем, Тьером и Минье, в 1837 году возглавил умеренную газету «Сьёкль». В 1848 году Шамболь основал газету «Одр» («Порядок»), которая просуществовала до переворота 2 декабря 1851 года. С 1838 по 1848 год был членом палаты депутатов, где принадлежал к единомышленникам Одилона Барро.

Еще одним важным источником в исследовании эпохи Июльской монархии служат воспоминания Жака Лаффита⁸¹. Крупнейший банкир Франции Ж. Лаффит начал играть существенную роль в политике с 1816 года, после его избрания депутатом от Сены. Он сразу же присоединился к либеральной оппозиции. Будучи в окружении герцога Орлеанского Лаффит финансировал оппозиционному режиму Реставрации газету «Насьональ» и явился одним из тех либеральных депутатов, кто способствовал возведению на трон Луи-Филиппа Орлеанского. 2 ноября 1830 года новый монарх назначил банкира председателем совета министров, поручив ему также возглавить Министерство финансов. Лаффит принадлежал к политической и экономической элите Франции того времени и активно участвовал в политической жизни страны. Его мемуары заканчиваются на том периоде, когда ушел с поста председателя совета министров в 1831 году.

Воспоминания представителей непримиримой оппозиции, в принципе отвергавших Июльскую монархию, также имеют большое значение в изучении деятельности Тьера. Прежде всего это пяти томная работа социалиста Л. Блана «История десяти лет», посвященная первому десятилетию Июльской монархии⁸², и мемуары легитимистов Ф. Шатобриана и А. Фаллу.

В годы Июльской монархии Луи Блан был тесно связан с республиканскими кругами. Он работал в леворадикальных газетах «Насьональ» и «Бон Санс», где с 1837 года стал главным редактором. Двумя годами позднее он основал газету «Ля ревью дю прогрэ», в которой провел в 1839–1842 годах кампанию за расширение избирательного права. В 1848 году он стал активным участником банкетной кампании⁸³. Луи Блан был принципиальным противником режима Июльской монархии, тем интереснее выглядят его оценки Адольфа Тьера – члена палаты депутатов, уже известного видного политика того времени, не раз становившегося министром. В то

⁷⁸ Duvergier de Hauranne P. L. Histoire du gouvernement parlementaire en France, 1814–1848. P., 1857–1871. Vol. 1–10.

⁷⁹ Robert A., Bourlonton E., Coughy G. Dictionnaire des parlementaires français. P., 1891. Vol. 2. P. 546.

⁸⁰ Chambolle A. Retours sur la vie. P., 1912.

⁸¹ Laffitte J. Mémoires de Laffitte. (1767–1844). Bruxelles, 1844. Vol. 1–3.

⁸² Blanc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. P., 1843–1844. Vol. 1–5.

⁸³ Dictionnaire de l'histoire de France / Sous la dir. de J.-F. Sirinelli et D. Couty. Vol. 1. P. 171.

же время Блан, будучи журналистом по профессии, был в курсе многих событий, связанных с правительственными делами, и хорошо осведомлен в вопросах политики.

«История десяти лет», в которой Луи Блан выступал критиком Июльской монархии и короля Луи-Филиппа, имела большой читательский успех. Его внимание было приковано к парламентским выборам и политическим рокировкам, интригам двора, состоянию тюрем и возможности интервенции в Испанию. Круг вопросов, интересовавших Блана, был довольно широк: приход буржуазии к власти, нищета народа, определение политической системы во Франции, проблема политических партий и, наконец, внешняя политика.

Ценным источником по изучаемой эпохе являются «Замогильные записки» Шатобриана⁸⁴. Франсуа Рене де Шатобриан был не только писателем, «чьи произведения с первого десятилетия XIX века до нашего времени непременно включаются во французские школьные хрестоматии, но и государственным деятелем, который поднимал свой голос против Наполеона, давал советы Людовику XVIII, отказывал в сотрудничестве (несмотря на настоятельные просьбы) другому французскому королю – Луи-Филиппу и выполнял тайные поручения матери изгнанного наследника престола – герцогини Беррийской», – отмечалось в предисловии к русскому изданию этого произведения⁸⁵.

«Замогильные записки» – это по жанру своеобразная автобиография, но не только, это и воспоминания, ведь автор делится своими впечатлениями об увиденном. Это также один из шедевров западноевропейской литературы, как представляется, французский аналог произведения Герцена «Былое и думы». Шатобриан как очевидец описывает французскую революцию 1789–1794 годов, Империю, Реставрацию, Июльскую монархию.

Ф. Шатобриан принял решение не публиковать «Записки» при жизни, чем выразил свое недоверие к современникам и через их головы обратился к потомкам, предав себя их суду. Это объяснялось, среди прочего, и вполне понятными мотивами: книгу, где даны характеристики многих живших в 1830 – 1840-е годы государственных деятелей – ясные и проницательные, а потому и неприятные, было небезопасно предавать широкой огласке.

Не случайно французский дипломат Марселлюс, несмотря на свою симпатию к Шатобриану, в своей книге, изданной в 1859 году, упрекал покойного писателя, который, по его мнению, «сделался неуязвим, скрывшись в могиле, и направил свои стрелы в людей, до сих пор сражающихся с превратностями жизни и неспособных ни защитить себя, ни ответить обидчику»⁸⁶.

Работая с данным источником, необходимо помнить о том, что Шатобриан был легитимистом и выступал против режима Июльской монархии и его видных представителей. Однако в целом это не помешало ему высказать трезвые и проницательные мысли, иметь оригинальный взгляд на события, поэтому этот источник достаточно ценен для предложенного исследования.

Другой французский легитимист и политический деятель, Альфред Пьер, граф Фаллу (1811–1886) также оставил воспоминания, появившиеся уже после его смерти⁸⁷. Граф Фаллу был избран в палату депутатов в 1846 году и стал одним из видных представителей легитимистской и клерикальной оппозиции. Мемуары Фаллу интересны в связи с предреволюционным периодом 1847–1848 годов.

В отдельную подгруппу можно выделить воспоминания сторонних наблюдателей. Это люди, которые интересовались политикой, но не являлись членами французского правительства или депутатами, не принимали участия в острой внутривнутриполитической борьбе за обладание министерским портфелем. К данной подгруппе можно отнести мемуары Рудольфа Аппоньи –

⁸⁴ Шатобриан Ф. де. Замогильные записки. М., 1995.

⁸⁵ Мильчина В. А. Эпопея человеческого сознания // Шатобриан Ф. де. Замогильные записки. С. 6.

⁸⁶ Цит. по: Мильчина В. А. Эпопея человеческого сознания. С. 7.

⁸⁷ Falloux comte de A. Mémoires d'un royaliste. P., 1888. Vol. 1–2.

австрийского посла в Париже с 1826 по 1851 год, оставившего подробные мемуары о политической жизни во Франции второй четверти XIX века⁸⁸.

Интересным источником также являются дневники Доротеи Дино⁸⁹. Доротея Иоган, принцесса Курляндская, герцогиня де Талейран-Перигор, де Дино и де Саган (1793–1862), была супругой племянника известного французского дипломата Шарля-Мориса де Талейран-Перигора. У нее был свой салон в Париже, где собирался весь культурный и политический свет Европы. Среди ее частых гостей были герцог Веллингтон, прусский король Климент, Жозеф Фуше, Александр Гумбольдт, Оноре де Бальзак, герцог Орлеанский, Франсуа Гизо, граф Моле и Адольф Тьер.

Дневники герцогини Дино подтверждают, что она была прекрасно осведомлена о происходившем в большой политике той эпохи. Ее взгляд на события того времени представляет интерес, поскольку она, насколько ей удавалось, старалась оставаться независимым, сторонним наблюдателем и могла давать достаточно объективные оценки происходящего. Следует учесть, что источником являются, наряду с записками в форме дневника, хроники и письма, которые были написаны почти сразу после событий. Это свидетельствует о том, что в источнике лучше описан ход событий, меньше вымысла, когда автор по прошествии времени что-то забывает и вольно или невольно придумывает.

Еще одним крайне любопытным источником представляется двухтомник Вильяма Нассау Сеньора (1790–1864) – британского экономиста и журналиста, оставившего после себя «Беседы с господином Тьером, Гизо и другими выдающимися людьми во время Второй империи»⁹⁰. В этом произведении, составленном в форме бесед Нассау Сеньора с видными политическими фигурами прошлого, Тьер, Гизо и другие политики вспоминали о делах давно минувших дней, высказывали свои критические замечания о политической жизни Франции и о своем личном восприятии тех или иных событий. В целом это довольно интересный источник, мало-знакомый даже французским исследователям.

Памфлетная литература. Важным источником для данного исследования послужила брошюра А. Тьера «Монархия 1830 года»⁹¹. Прошел год с момента Июльской революции, опрокинувшей режим Карла X, и назрела необходимость понять, что же произошло в те дни, дать этому объяснение уже в более спокойной обстановке, когда страсти утихли и прошли переживания. Через год можно было подвести и некоторые итоги нового правления, оценить возможности новой государственной системы. Необходимость в написании этой работы появилась и по другой причине – она должна была стать ответом Тьера на нападки, раздававшиеся как из лагерей легитимистов и бонапартистов, так и из лагеря республиканцев. И действительно, автор в ней ведет как бы заочный спор с оппозицией. Он выступает здесь как апологет Июльской революции и рожденного ею режима Июльской монархии. Это понятно, ибо именно Адольф Тьер был одним из творцов этой революции, и поэтому он должен был защищать революцию, а значит, и свои убеждения.

Тьер выделил ряд основных вопросов, порожденных июльскими событиями 1830 года. Среди них проблема сущности и основных принципов, на которых основывается новая монархия, проблема различий между монархиями 1814 и 1830 годов; каков должен быть внутри- и внешнеполитический курс нового режима. Не менее важны для Тьера вопрос о состоянии Франции перед Июльской революцией, ведь это может показать, в какой степени Франция нуждалась в революционных событиях, насколько это было необходимо, а также вопрос о выборе главы государства и об исторических альтернативах Июльской монархии. Тьеру принадлежала

⁸⁸ Apponyi R. Vingt-cinq ans a Paris, 1826–1850 // Journal du comte Rodolphe Apponyi. P., 1913–1926. Vol. 1–4.

⁸⁹ Dino duchesse de D. Chronique de 1831 à 1862. (Duchesse de Talleyrand). P., 1909–1910. Vol. 1–4.

⁹⁰ Senior Nassau W. Conversations with Monsieur Thiers, Guizot and other distinguished persons during the Second Empire. L., 1878. Vol. 1–2.

⁹¹ Thiers A. La monarchie de 1830. P., 1831.

большая роль в том, что именно герцог Орлеанский, представитель младшей ветви королевского дома, стал в итоге королем французов. Следовательно, брошюра А. Тьера – это в определенной степени его защитная речь. В этой связи она носит несколько субъективный характер. Но ее значение для историка заключается в том, что работа была написана в самом начале Июльской монархии, когда та делала только первые шаги и ее будущее еще не было известно. Тьер показал свое видение этой государственной системы, то, какой она должна быть, и в чем ее преимущества по сравнению с режимом Реставрации.

Также необходимо заметить, что на момент написания этого сочинения Тьер являлся депутатом от департамента Буш-дю-Рон, что во многом объясняет его защиту режима Июльской монархии.

Еще одним источником для данного исследования стали полемические статьи, напечатанные в литературно-политическом журнале «Ревю де дё Монд», выходившем ежеквартально и отличавшимся либеральной направленностью. Использованы статьи либерального журналиста и постоянного автора «Ревю де дё Монд» Луи де Карне и либерального политика Проспера Дювержье де Орана, посвященные расстановке политических сил во французском парламенте, а также политические памфлеты оппозиционно настроенных деятелей в годы Июльской монархии⁹².

Периодическая печать. В исследовании представлена французская пресса различной политической направленности первой половины 30-х годов XIX века (вплоть до 1836 года, когда А. Тьер впервые возглавил французское правительство). Такой выбор хронологических рамок объясняется тем, что как раз в эти годы Тьер возглавлял различные министерства и находился, таким образом, в центре внимания французской прессы.

Легитимистская пресса представлена газетами «Котидьен», «Газет де Франс», «Франс» и еженедельником «Мод», республиканская – газетой «Насьональ». Это издание, выражавшее взгляды французских либералов в 1830 году, к середине 30-х годов XIX века перешло на республиканские позиции.

Либеральная пресса представлена газетами, отражавшими позиции различных политических группировок во французском парламенте: издание правых либералов «Журналь де Деба», умеренно либеральные газеты «Тан» (*Le Temps*) и «Пресс», леволиберальные газеты «Сьёкль», «Конститусьонель» и «Курье франсэ». Также как исторический источник в исследовании была привлечена газета «Монитор» – официальный орган правительства.

⁹² *Carné de L.* Du pouvoir en France depuis 1830 // *Revue des deux mondes*. 1837. Vol. 12; *Chambellan A.* Aux électeurs à propos du nouveau ministère. P., 1832; *Chicoisneau R.* Catilinaire conte les pritchardins ou déclaration de guerre au système de la paix et à tous les forts. P., 1845; *Duvergier de Hauranne P. L.* De l'état actuel des partis en France et de la nécessité d'une transaction // *Revue des Deux Mondes*. 1841. Vol. 28; s. a. La politique des conservateurs et les élections de 1842. P., 1842; *Ségoffin F.* Du système conservateur. Examen de la politique de m. Guizot et du ministère du 29 octobre 1840 par un homme d'Etat. P., 1843.

Адольф Тьер в зеркале истории: эволюция оценок

Адольф Тьер – крайне противоречивая фигура в мировой истории. Неслучайно и поныне во Франции по отношению к Тьеру можно судить, каких взглядов придерживается ваш визави: если он благосклонно относится к Тьеру, то велика вероятность, что этот человек правых взглядов, если, наоборот, настроен критично к нему, то, скорее всего, типичный левый.

Впервые об Адольфе Тьере начали писать еще при его жизни. Уже в годы Июльской монархии, в 1846 году, появилась книга бывшего сотрудника Министерства внутренних дел Александра Лайя, в которой он впервые описал личную и общественно-политическую жизнь Тьера⁹³. Через несколько лет, в 1854 году, вышла в свет книга, изданная Эженом де Миркуром в карманном формате⁹⁴, в которой биография политика соседствовала с другими биографиями знаменитых современников. Миркур определял Тьера как «маленького дьявола в очках», который, когда «был министром, держал Францию в своих руках!»⁹⁵. Пожалуй, именно Лайя и Миркура можно назвать зачинателями «белой легенды» об Адольфе Тьере, который в большинстве известных нам работ предстает как национальный герой Франции. Книги Лайя и Миркура выдержаны в публицистическом жанре, в них встречается большое количество диалогов. Эти издания нельзя назвать научными. В них нет каких-либо обобщений, это скорее простой пересказ жизни Тьера, который еще здравствовал на момент опубликования этих книг.

С другой стороны, тогда же появились и первые негативные оценки личности Тьера. Например, современник политика Франсуа Рене де Шатобриан в «Замогильных записках» написал: «Дорожит ли господин Тьер своими принципами? Ни в малейшей степени: он ратовал за резню, но с таким же успехом стал бы проповедовать гуманность; он выдавал себя за страстного поклонника свободы, что не помешало ему подавить Лионское восстание, расстрелять рабочих на улице Транснотен и отстаивать вопреки всем и вся сентябрьские законы»⁹⁶. Шатобриан подметил, что Тьер «подвижен, как ртуть»⁹⁷.

Княгиня Ливен, жившая в годы Июльской монархии в Париже и державшая там политический салон, писала о Тьере следующее: «Г-н Тьер – неистощимый фейерверк; у него самый богатый ум, какой я знаю. Огромная впечатлительность и изменчивость принципов составляют отличительную черту его характера. В глубине души это революционер, но который, в случае надобности, может принять любую окраску...»⁹⁸. Русский дипломат Медем, живший в Париже в 1832 году, конфиденциально писал в Петербург: «К несчастью, он (Тьер. – *Примеч. И.И.*) не пользуется никаким уважением в обществе, особенно по причине продажности; его упрекают в том, что, будучи помощником статс-секретаря при Лаффите в Министерстве финансов, он продавал должности тем, кто дороже платил»⁹⁹. Медем отметил также неустойчивость взглядов Тьера, его беспринципность в тех случаях, когда дело касалось честолюбия¹⁰⁰. Не лучшая характеристика была дана политику два года спустя в другом секретном донесении, где говорится о его скандальных биржевых операциях и его не менее скандальных семейных делах – женитьбе на дочери своей бывшей любовницы¹⁰¹.

⁹³ Laya A. Etudes historiques sur la vie privée, politique et littéraire de M. A. Thiers: histoire de quinze ans: 1830–1846. P., 1846. Vol. 1.

⁹⁴ Mirecourt E. Thiers. P., 1854.

⁹⁵ Ibid. P. 9.

⁹⁶ Шатобриан Ф. де. Замогильные записки. С. 558.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Цит. по: Танышина Н. П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 147.

⁹⁹ Цит. по: Потемкин Ф. В. Указ. соч. С. 52–53.

¹⁰⁰ Там же. С. 53.

¹⁰¹ Там же.

Таким образом, уже при жизни Тьера о нем сложилось противоречивое мнение в глазах его современников.

После смерти А. Тьера, во второй половине XIX века, появляются несколько работ, прославляющих этого французского либерала. Книга Жюль Симона¹⁰², депутата Третьей республики, является одой Тьеру: «Господа, я хочу вам рассказать о человеке, который был журналистом, историком, лидером оппозиции и главой правительства; который вызвал революцию, залечил раны и обиды от другой, одолел третью; который был известен в возрасте, в котором еще не ищут свой путь, и который после нанесенных ему обид, оклеветанный, изгнанный и покинутый всеми, оказался могущественным и популярным до глубокой старости»¹⁰³.

Ж. Симон убежден, что Тьер всегда защищал государственные интересы, и мог быть суровым, если существовала социальная опасность, как, например, во время Лионского восстания в 1834 году. Симон приходит к заключению: «Таким был Тьер, национальный историк и освободитель территории; великий патриот, великий либерал, великий историк; известный благодаря своим письмам в 25 лет. Министр в 35 лет, диктатор в 75 лет. Вся его жизнь без перерывов была связана с самыми великими делами Франции и Европы. Всегда готовый рисковать своей популярностью или жизнью во имя великого дела до последнего вздоха. Он умер на боевом посту, когда писал для своей страны советы, которыми она оказалась неспособной воспользоваться. Один из самых восхитительных и самых оскорбленных людей этого века. Знаете, господа, всякий политический человек имеет две репутации: та, что сообразуется с реальностью, в конце концов, всегда одерживает верх. Тьер будет таким же великим в будущем, каким он был для всего мира десять лет назад и каким сейчас нам представляется. Даже те, которые делают вид, что забыли его или всеми силами стараются приуменьшить его значение среди тех, кто его сверг, и те, кто думал его заменить кем-нибудь на какое-то время, есть ли хоть один, который не произнес вполголоса, совсем тихо с патриотической тревогой: “Если бы он был здесь!”»¹⁰⁴.

Другой книгой о Тьере стала работа Поля де Ремюза¹⁰⁵, внука Шарля де Ремюза, видного политика Июльской монархии. Внук знаменитого деда также сделал политическую карьеру – был избран депутатом в парламент. Его книга носит очень обобщенный характер и рассматривает Адольфа Тьера преимущественно как историка и литератора, а не как политика, поэтому обзор его политической карьеры более чем скромнен. Немного позднее вышла книга Эдгара Зэвора, посвященная Тьеру¹⁰⁶. В ней автор также рассматривает Тьера как историка и видного парламентского оратора и часто цитирует его парламентские речи. И Ремюза, и Зэвор прославляли Тьера как историка и журналиста, не концентрируя внимания на его политической деятельности.

Еще одной книгой явилась работа Шарля де Мазада, члена Французской Академии наук, который считал период президентства Тьера вершиной политической карьеры этого крупного государственного деятеля Франции. В годы Июльской монархии Тьер предстает скорее как авантюрист, который был отправлен в отставку королем Луи-Филиппом в 1840 году и, как следствие, проиграл политическую дуэль своему главному противнику – Франсуа Гизо. Настоящим крупным политическим деятелем Тьер стал, по мнению Мазада, в оппозиции ко Второй империи и в годы Третьей республики, когда ему удалось восстановить побежденную Францию в экономическом и политическом смысле.

¹⁰² Simon J. Thiers, Guizot, Remusat. P., 1885.

¹⁰³ Ibid. P. 133.

¹⁰⁴ Simon J. Op. cit. P. 214–215.

¹⁰⁵ Remusat de P. Thiers. P., 1889.

¹⁰⁶ Zevort E. Thiers. P., 1892.

Однако уже во второй половине XIX века появляются работы, в которых Тьер подвергается резкой критике. Центральное место среди его непримиримых критиков занял Карл Маркс. В своей книге «Гражданская война во Франции» он подверг Тьера уничижительной критике, наиболее рельефно отразив многие сомнительные дела этого французского политика. В то же время негативные оценки личности политика, данные Марксом, впоследствии легли в основу работ многих российских и зарубежных исследователей XX века. Поэтому на книге Маркса следует остановиться подробнее. В работе «Гражданская война во Франции» Маркс дал наиболее развернутую характеристику деятельности Тьера в годы Июльской монархии во Франции: «Тьер, этот карлик-чудовище, в течение полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое совершенное идейное выражение ее собственной классовой испорченности. Прежде чем стать государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Связанный до 1830 г. с республиканцами, он пробрался при Луи-Филиппе в министры путем предательства своего покровителя Лаффита. К королю он подольстился подстрекательством черни к выступлениям против духовенства – выступлениям, которые привели к разграблению церкви Сен-Жермен-л'Осеруа и дворца архиепископа, – и тем, что выполнял роль министра-шпиона и тюремщика-акушера по отношению к герцогине Беррийской. Кровавая расправа с республиканцами на улице Транснонэн, последовавшие затем гнусные сентябрьские законы против печати и права союзов были его делом. В марте 1840 г. он вновь выступил на сцену уже в качестве премьер-министра и удивил всю Францию своим проектом укрепления Парижа...»¹⁰⁷.

Не менее беспощадной была критика Маркса в отношении внешней политики А. Тьера: «Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I, в своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона, на деле же его внешняя политика всегда приводила к крайнему унижению Франции – начиная от Лондонской конвенции 1840 г. до капитуляции Парижа 1871 г. и теперешней гражданской войны, во время которой он, по специальному разрешению Бисмарка, натравил на Париж пленных Седана и Меца.

Несмотря на свои гибкие способности и изменчивость своих стремлений, он всю свою жизнь был самым закоренелым рутинером...»¹⁰⁸.

Также очень резкой критике Маркс подвергал личные качества французского политика: «Тьер был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство.

Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в министерство при Луи-Филиппе, а оставил он это министерство миллионером. Возглавляя последний раз министерство при упомянутом короле (с 1 марта 1840 г.), он был публично обвинен в палате депутатов в растрате казенных сумм. В ответ на это обвинение он ограничился тем, что заплакал, – ему немного стоил этот ответ, которым легко отделялись и Жюль Фавр, и всякий иной крокодил <...> Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку во всевозможных банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; не останавливающийся перед тем, чтобы раздуть революцию, как только слетит с занимаемого поста, и потопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как гнусный в жизни общественной, даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, Тьер не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своим смешным чванством»¹⁰⁹, – подвел итог К. Маркс.

¹⁰⁷ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К. Сочинения. М., 1960. Т. 17. С. 324.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 328.

Надо отметить, что Карл Маркс был не единственным человеком, кто во второй половине XIX века жестко критиковал Тьера. Авторы «Истории XIX века» Эрнест Лависс и Альфред Рамбо, которых довольно сложно уличить в марксизме, дали негативную оценку политике периода Июльской монархии: «Он сумел умерить свой либерализм настолько, что мог сохранить свой пост в кабинете Казимира Перье. По смерти последнего он по желанию короля получил принадлежавший покойному портфель министра внутренних дел, хотя ему было в то время всего 35 лет. С противниками режима он расправлялся так же энергично, как его предшественник, и во время апрельского восстания 1834 года его видели верхом на коне рядом с генералом Бюжо, бригада которого штурмовала баррикады. Сентябрьские законы были делом его рук. Тьер обладал необыкновенной хитростью, итальянской гибкостью, утонченной ловкостью, живым и ясным умом, большой трудоспособностью, редким даром приспособления, неутомимой энергией и сверх того необычайным властолюбием»¹¹⁰.

В подтверждение своих слов Лависс и Рамбо привели слова Альфонса Ламартина о Тьере: «Ламартин в одной из своих речей, произнесенной против Тьера, когда последний в 1840 году вторично занял пост председателя совета, с поразительной рельефностью охарактеризовал эту преобладающую страсть министра. «Вами движет, – сказал он, – беспокойная, ревнивая, неутолимая страсть, которую ничто не в силах удовлетворить и которая ни с кем не хочет ничего разделить <...> Это – страсть к власти, страсть управлять, управлять одному, управлять всегда, управлять с большинством, управлять с меньшинством, как сейчас; управлять со всеми и против всех; царствовать одному, царствовать всегда, царствовать во что бы то ни стало»¹¹¹.

Для большинства французских авторов Тьер воплощал в себе французскую буржуазию XIX века; но если его почитатели ставили это ему в заслугу, то его критики, напротив, вменяли в вину. Вместе с тем надо отметить, что общая тональность высказываний о политике во второй половине XIX – начале XX века была положительной. Таким представляется Тьер в трудах светских авторов от учебников по истории до научно-популярных книг. В 1881 года Жорж Дюрюи, сын либерального министра образования при Наполеоне III Виктор Дюрюи, определил Тьера как «великого патриота в равной мере, как и великого государственного деятеля»¹¹². По мнению авторов французских учебников, продолживших восхвалять политика в этом ключе, Тьер заслуживает уважения, во-первых, за свою рассудительность во время франко-немецкого кризиса в июле 1870 года и, во-вторых, за то, что он, уже будучи в очень преклонном возрасте, использовал все свои таланты (богатый ум и исключительную энергию), чтобы вывести страну из глубокого кризиса, восстановив Францию. 15 июля 1870 года Тьер поднялся на трибуну, чтобы убедить своих коллег-парламентариев не объявлять войну Пруссии. Тогда его, Жюля Фавра и Гамбетта называли «предателями» и «пруссакми» за то, что они пытались отговорить Францию воевать. Но Тьер реорганизовал армию и финансовую систему и на самом деле тогда спас Францию.

Во Франции Тьер ассоциировался преимущественно с последним этапом его жизни – с первыми годами Третьей республики. Что касается первой половины XIX века, то французские школьники и общественность рассматривали его как министра-авантюриста при Луи-Филиппе, «головотяпа и болвана», отправленного в отставку в 1840 году и проигравшего своему главному противнику Ф. Гизо. Настоящим крупным политическим деятелем Тьер стал в оппозиции к режиму Наполеона III и после того, как восстановил Францию, побежденную Пруссией. Именно из-за его прихода к власти в 1871 году во французских учебниках дается его краткая биография. «Он сыграл важную роль в революции 1830 года, был инициатором

¹¹⁰ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1938. С. 142.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Monsieur Thiers d'une république à l'autre. P. 103.

протеста журналистов против ордонансов и кандидатуры Луи-Филиппа. Он был несколько раз министром и председателем совета министров с 1830 по 1848 год. При Второй империи он был одним из руководителей оппозиции, который указывал на опасности имперской политики. Но главные страницы его жизни расположены после 1870 года. Он был «освободителем территории», первым реорганизатором армии и вместе с Л. Гамбетта настоящим основателем республиканского правительства»¹¹³.

В самых разных изданиях того времени Тьер рассматривался как прозорливый государственный деятель, великий патриот, восстановивший страну. Его почитатели были убеждены, что он заслуживал уважения. До 1914 года Тьера не связывали напрямую ни с причинами появления Парижской коммуны, ни с ее кровавым подавлением. До Первой мировой войны во всем обвинялись только коммунары и монархистское законодательное собрание, заполненное аристократами¹¹⁴.

В 1930 году впервые Тьер выходит на первый план в определении ответственных за Парижскую коммуну. Жюль Исаак – автор французского учебника впервые четко возлагает вину на Тьера, потому что он не предотвратил бойню, уехал из Парижа. «Тьер не пытался сопротивляться <...> он покинул Париж <...> оставив все восставшим и даже покинув форты». Исаак считал, что в этом деле Тьер и его правительство неосторожно действовали под напором крупных финансистов. Тьера призывали сначала покончить с коммунарами, а затем поскорее расплатиться с прусскими долгами. Исаак ссылался на публикацию парламентского расследования по восстанию 18 марта. Тем не менее тон Исаака был сдержанным и очень осторожным. В глазах Жюль Исаака услуги, оказанные Тьером стране, в значительной степени одерживали верх над ошибками и оплошностями, совершенными в марте 1871 года в Париже.

Следует также отметить, что до 1945 года все светские авторы признавали искренность перехода бывшего министра-орлеаниста к защите республиканизма и его решающий вклад в утверждение республиканского строя. Некоторые авторы выражали признательность Тьеру за то, что он вместе с Гамбетта выступал как блестящий защитник наследия Великой французской революции и был против реакционности правых, заседавших в парламенте, и потому принял сторону Республики.

В католических учебниках отношение к Тьеру было более сдержанным. Их авторы видели заслугу политика в том, что он так быстро сумел освободить территорию Франции от пруссаков, но поражение Коммуны и финансовое, и военное возрождение Франции они приписывали не Тьеру, а Ассамблее в Версале и одному «способному министру финансов» Пуье-Кертьеру¹¹⁵. Особенно католики упрекали Тьера за то, что он «благоприятствовал на частичных выборах прогрессивно мыслящим кандидатам» и что он, бывший министр Луи-Филиппа, своим молчанием предал дело монархии.

Даже после окончания Второй мировой войны, когда французские католики стали неотъемлемой частью республиканского строя через католическую политическую партию МРП, озлобленность в отношении Тьера явно продолжала ощущаться. В учебнике, опубликованном в 1949 году, при описании финансового и военного возрождения Франции между 1871 и 1873 годами, авторы ни разу не упомянули имя главы государства Тьера, используя только безличное местоимение «он» (мы. – *Примеч. И.И.*). Обвинения в предательстве монархии Тьеру не было открыто и явно сформулировано, но оно читалось между строк. Хотя католики были довольно критичны в отношении Тьера, их критику невозможно сопоставить с той, которая понеслась в его адрес после 1945 года от светских авторов, – она была гораздо слабей.

¹¹³ Monsieur Thiers d'une république à l'autre. P. 101.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibid. P. 105.

Один из биографов Тьера Ш. Помарэ особо выделил роль Тьера как «освободителя Франции». Это, кстати, явилось причиной написания книги.

Ш. Помарэ, бывший министр в правительстве Петэна в 1940 году, вспоминал: «Я решил написать книгу о Тьере, так как он знал, как сопротивляться оккупантам». Это вселило силы в автора, когда тот был в немецком плену¹¹⁶, и позволило писателю провести историческую параллель: «История Тьера весьма актуальна. Он поддерживал величие Франции. Благодаря ему побежденная страна поднялась, и быстро, и с какой гордостью перед ошеломленным врагом. Благодаря ему появилась Третья Республика, самый продолжительный по времени режим, который знала Франция с 1789 года»¹¹⁷.

Другой французский биограф Тьера Жорж Ру также благоволил своему герою. Он отмечал: «Тьер – это весь наш XIX век. Реставрация, Июльская монархия, Революция 1848 года, Вторая империя, Война 1870 года, Парижская Коммуна, Третья Республика. Этот человек все видел, все пережил и все совсем рядом. Он был очевидцем и актером. Он не только участвовал в каждом из этих событий, играя там решающую роль, но еще в течение всех этих следующих друг за другом потрясений он часто воплощал душу самой Нации. Казалось, ему одному принадлежал весь мир, мир XIX века, у которого было величие и слава, которые были и у самой Франции»¹¹⁸.

После Второй мировой войны происходит явный разрыв в классическом представлении Тьера. Это – важный этап в эволюции восприятия политика во французском обществе. С этого времени можно говорить о глубокой деградации его образа.

В период с 1945 по начало 80-х годов XX века Тьер предстал как карлик, ненавидевший простой народ и воплощавший в себе все худшие буржуазные ценности. В этот период во всех французских учебниках все пороки буржуазии стали приписываться ему – тщеславие, честолюбие, надменность, спесь, амбиции.

В период с 1945 по 1975 год светские учебники во Франции приписывали Тьеру, этому «старикашке», три серьезных проступка: 1) то, что он спровоцировал восстание в Париже в результате своих недальновидных действий (а может быть, и совершенно осознанно), а затем безжалостно его подавил; 2) при восстановлении Франции он руководствовался исключительно интересами буржуазии и в ее пользу принимал все важные решения; 3) консервативная республика была выбрана Тьером не по политическим убеждениям, а в силу оппортунизма; наконец, он цеплялся за власть всеми силами.

Большинство светских авторов подчеркивали, что именно для того чтобы завоевать доверие деловых кругов, 18 марта 1871 года Адольф Тьер неожиданно принял решение захватить пушки коммунаров, чем в итоге спровоцировал трагическую казнь генералов Лекомта и Клемана Тома. Эта первая ошибка ввиду недостатка хладнокровия привела ко второй – хаотичному уходу из столицы, «невзирая на мольбы Ферри, верившего в возможность дальнейшего сопротивления бунту»¹¹⁹.

Тьер нес прямую ответственность за жестокое подавление Коммуны. «Против Парижа Тьер организовал настоящую карательную экспедицию»¹²⁰, – писали авторы французских учебников. Хотя в разных книгах признавались заслуги маленького «авторитарного старика» в столь быстром восстановлении страны, но все же подчеркивалось, что много современников Тьера должны были разделить с ним титул «освободителя территории». Также отмечалось,

¹¹⁶ Pomaret Ch. Monsieur Thiers et son temps. P., 1948. P. 11.

¹¹⁷ Ibid. P. 13.

¹¹⁸ Roux G. Thiers. P., 1948. P. 7.

¹¹⁹ Monsieur Thiers d'une république à l'autre. P. 107.

¹²⁰ Ibid. P. 103.

что любая его реформаторская деятельность в области администрации, финансов и в военной сфере проводилась только в пользу одной лишь буржуазии¹²¹.

В целом деятельность Тьера по возрождению Франции после 1848 года ограничивалась авторами учебников сугубо практическими мерами по выходу из катастрофического состояния. Проекты по обязательному начальному образованию, по свободе ассоциаций не приписывались ему, упускались из виду. «Собрание было готово предложить более глубокие реформы. Тьер этому противостоял. Буржуазия, богатые классы оставались у власти и сохраняли свои привилегии»¹²². По мнению этих авторов, политик «олицетворял консервативные буржуазные и деловые круги».

Был ли Тьер истинным республиканцем – другой вопрос, который ставили авторы учебников по истории Франции. Светские и католические авторы сходились во мнении, что нет. Способный политик был вынужден одеть на себя республиканские тоги, чтобы подольше оставаться у власти, и в этом проявился его оппортунизм – таково общее мнение всех авторов.

Тьер был сброшен с пьедестала светскими учеными, но и католики тоже не поддерживали его позитивный образ. Для католиков он оставался, несмотря на внешнюю буржуазную респектабельность, старым революционером. Более того, в учебнике середины 50-х годов XX века было написано, что Тьер был «бывшим карбонарием, никогда не любившим королей»¹²³. Таким образом, сознательно или нет, но его перепутали с Луи-Наполеоном Бонапартом. Но если отношение католиков к Тьеру было продиктовано некоторой приглушенной ностальгией по монархии, то как объяснить резкую радикализацию мнений светских ученых, которые до 1848 года буквально носили его на руках?

Это можно объяснить только тем, что после Второй мировой войны, во многом благодаря активному участию левых политических сил в движении Сопротивления, значительно усилилось влияние левых идей во Франции. Французские коммунисты реабилитировали Парижскую коммуну и систематически девальвировали роль Тьера – воплощение ненавистной им буржуазии. Как раз в это время появляется много книг по истории Парижской коммуны и истории всего рабочего движения во Франции XIX века¹²⁴. Так, одним из заметных историков той поры был Жан Брюа. В своей книге, изданной в 1952 году по поручению Всеобщей конфедерации труда, этот крупный историк рабочего движения во Франции возложил ответственность на Тьера за кровавые репрессии не только в период Парижской коммуны, но и за жестокое подавление восстаний рабочих в Лионе и Париже в 1834 году, когда Тьер был министром внутренних дел правительства Июльской монархии. В своей книге Ж. Брюа спорил с французскими буржуазными историками, в частности с Морисом Реклю, об отношении к Тьеру и его роли во французской истории¹²⁵.

Действительно, образ Тьера с момента его смерти в 1877 году поступательно эволюционировал в сторону «черной легенды». Эту особенность отметил один из наиболее поздних биографов политика П. Гираль в 1986 году: «Когда Тьер умер в 1877 году, после того как он господствовал в политической жизни более полувека, печаль была всеобщей: Родина только что потеряла великого деятеля, который хотел помешать войне 1870 года, освободил территорию, восстановил Францию за три года и основал Республику. Но этот образ быстро испортился <... > В наши дни он представляется как ограниченный и эгоистичный буржуа, посредственность, у которого никогда не было будущего в людском сознании как палача Коммуны»¹²⁶.

¹²¹ Monsieur Thiers d'une république à l'autre. P. 103.

¹²² Ibid. P. 107.

¹²³ Ibid. P. 109.

¹²⁴ Azéma J.-P., Winock M. Les Communards. P., 1964; Rougerie J. Le Procès des Communards. P., 1964; Idem. Paris libre 1871. P., 1971.

¹²⁵ Брюа Ж. История рабочего движения во Франции. Т. 1. М., 1953.

¹²⁶ Guiral P. Adolphe Thiers ou de la nécessité en politique. P., 1986. couverture.

Начиная с 1945 года отмечается скольжение влево всех французских авторов учебников, что было связано с интеллектуальной и политической гегемонией коммунистов и социалистов, усиливших свои позиции в этих областях после 1945 года. Они реабилитировали Коммуну и систематически девальвировали роль Тьера – воплощение ненавистной буржуазии. По мнению французского исследователя К. Амальви, если бы сразу после Второй мировой войны в учебниках провели аналогию между освобождением Франции 1871–1873 годов и 1944–1945 годов, то в этой ретроспективе Тьер, скорее всего, ассоциировался бы с Петэном, а Коммуна с движением Сопротивления. Однако надо признать, что даже в самых критически настроенных к политику книгах отношение к нему никогда не было абсолютно негативным. Некоторая доля уважения и иногда даже восхищения к Тьеру всегда присутствовала.

С начала 1980-х годов и до нашего времени можно говорить о несколько ином подходе французских историков к личности Тьера и его времени, более нюансированном. В данном случае речь идет не о реабилитации политика, но о скрытой переоценке его роли в истории. Характеристика Тьера, приведенная в учебнике под общей редакцией Антуана Про, звучит очень лаконично: «Тьер умер в 73 года. Революционер в 1830 году, министр в 1840 году, реакционер в 1848 году, арестованный сразу после государственного переворота, лидер либеральной оппозиции при Империи. Живой ум, жестокое сердце, много работы, и все еще страсть к обладанию власти. Так же враждебен к народу, как к абсолютной власти»¹²⁷.

Французские авторы признают, что ненавистный палач Парижской коммуны все же способствовал установлению республиканского строя в современной Франции. Как отмечали современные французские историки Серж Берстайн и Пьер Мильза, «подавление Коммуны уничтожило на десять лет революционное движение во Франции. Но в то же время оно утвердило доверие буржуазии к республике, поддерживающей порядок и более не являющейся синонимом Террора»¹²⁸. В учебнике под редакцией Жака Марселя подчеркивалось, что «кровавая неделя» показала, что Республика может также обеспечивать порядок.

Эту постепенную эволюцию образа Тьера с середины 1980-х годов можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, смена политического климата во Франции после 1981 года, вызванная крушением коммунистической идеологии в этой стране, способствовала изменению восприятия французами XIX века: каждому участнику исторических событий было дано право высказаться, несмотря на симпатии и антипатии к тем или иным историческим протагонистам¹²⁹.

Яркими примерами тому являются учебник Жака Марселя и учебник Сержа Берстайна и Пьера Мильза. Так, Жак Марсель приводит рядом два текста: «Прокламацию Тьера, адресованную парижанам 8 мая 1871 года» и отрывок из книги Жака Ружери о жестоком подавлении Парижской коммуны. Аналогично поступили Серж Берстайн и Пьер Мильза. В своем учебнике они поместили рядом манифест Коммуны 26 марта 1871 года и прокламацию Тьера 8 мая 1871 года. Предоставив французам возможность исторического выбора, эти авторы тем не менее не снимают ответственности с него за бойню 1871 года.

Во-вторых, «открытие» французского либерализма XIX века, связанное с возросшим интересом к творчеству Алексиса де Токвиля, его переосмысление самими французами также благотворно сказалось на оценке деятельности А. Тьера¹³⁰. В этом контексте французские ученые пытаются проследить длинную политическую карьеру Тьера. При этом они не противопоставляют Тьера-революционера 1830 года Тьеру-консерватору 1871 года, как это обычно

¹²⁷ Monsieur Thiers d'une république à l'autre. P. 111.

¹²⁸ Ibidem.

¹²⁹ Ibidem.

¹³⁰ Broglie G. de. L'orléanisme. La ressource libérale de la France. P., 1981; Girard L. Les libéraux français. 1814–1875. P., 1985; Jardin A. Alexis de Tocqueville. P., 1987; Idem. Histoire du libéralisme politique de la crise de l'absolutisme à la constitution de 1875. P., 1987; Jaume L. L'individu effacé ou le paradoxe du libéralisme. P., 1997; Robert H. L'orléanisme. P., 1992.

делали между 1945 и 1975 годами. Это переосмысление деятельности политика отчетливо проявилось в оценках современного французского ученого Робера Франка: «Этот человек (Адольф Тьер. – *Примеч. И.И.*) в наилучшей степени воплощает французский либерализм XIX века. Его политическая эволюция, произошедшая на несколько лет раньше, указывает на эволюцию буржуазии той эпохи. Либерал при Реставрации, орлеанист при Луи-Филиппе, в партии сопротивления вначале, затем критичный в отношении Гизо, он проявляет себя одновременно привязанным к свободам и недоверчивым к всеобщим выборам. Будучи основателем партии порядка при Второй республике, он благопритствовал кандидатуре Луи-Наполеона Бонапарта, но боролся с его амбициями о личном правлении. Арестованный и изгнанный в 1851 году, он вернулся во Францию в 1852 году, чтобы примкнуть к либеральной оппозиции. Выступая против войны 1870 года, избранный главой исполнительной власти в 1871 году, он подавил безжалостно Коммуну и примкнул к Республике, когда понял, что она больше не является синонимом революции. Сброшенный в 1873 году, он поддержал Гамбетта и республиканцев во время избирательной кампании 1877 года, накануне своей смерти».

В британской историографии 70–80-х годов XX века отношение к Тьеру всегда было спокойным и ровным. В работах английских историков той поры он предстает как бесспорно крупный политический деятель Франции XIX века. Например, английский историк второй половины XX века Теодор Зелдин в своей книге «Франция. 1848–1945» с восхищением писал о политике: «Тьер был одним из самых проницательных мастеров политической игры во Франции XIX века. Он исполнил ведущую роль в установлении Июльской монархии в 1830 году, в избрании Луи Наполеона президентом в 1848 году, в разгроме Коммуны и основании режима 1871 года. Он производил впечатление непревзойденной ясности ума. Говорили, что нет такого предмета, сколь угодно сложного, которого он не мог бы понять. Безусловно, он мог оставлять такое впечатление: имея твердые убеждения по всем вопросам, он был одним из лучших ораторов своего времени и обладал даром убеждения. Его способности к руководству людьми были безграничны, неисчерпаемая энергия, хладнокровие, упорство и решительность делали его непотопляемым. Ему было только 33 года, когда он вознес к власти Луи-Филиппа, в 35 он стал министром внутренних дел, в 36 – членом Французской академии, а всемогущим государственным деятелем он стал, еще не достигнув шестидесяти лет»¹³¹.

Британские историки Дж. Бюри и Р. Томбс, авторы биографии Тьера, также признают в нем видного государственного деятеля, однако довольно скептически относятся к определению его как либерала. Они отмечали: «Как большинство политических ярлыков, понятие “либерал” было очень пространное, неопределенное. К либералам относили людей с порой противоположными взглядами и конфликтующих между собой на личностном уровне»¹³². Другой британский исследователь Сери Кросли, профессор университета в Бирмингеме, изучавший восприятие исторических трудов Тьера в Англии, признавал, что «либерализм Тьера – это определенная проблема для британцев». Он также добавил, что «англичане плохо понимают, как можно сочетать либерализм с централизмом власти и враждебностью к свободному обмену»¹³³. Это мнение, отражающее в целом позицию англичан, было высказано во время коллоквиума, состоявшегося в конце 1990-х годов во Франции. Материалы этого коллоквиума были опубликованы в 1998 году. В коллоквиуме, состоявшемся в Марселе 14 ноября 1997 года и приуроченном к 200-летию со дня рождения А. Тьера, приняли участие такие крупные французские историки, как Морис Агюлон, Жан Тюлар и Жан-Ив Молье.

Крупный французский историк Жан Тюлар вообще склонен даже героизировать Тьера. Так, в своей книге «Наполеон» он писал о появлении целого ряда «спасителей Франции», к

¹³¹ Зелдин Т. Франция. 1848–1945: Честолюбие, любовь и политика / пер. с англ. Екатеринбург, 2004. С. 520.

¹³² Bury J. P. T., Tombs R. P. Thiers. P. 18.

¹³³ Monsieur Thiers d'une république à l'autre. P. 132.

числу которых, по его мнению, можно отнести и Тьера¹³⁴. Помимо Наполеона и Тьера в ряды «спасителей Франции» Тюлар записал Кавеньяка, Наполеона III, Петэна и де Голля.

В годы Июльской монархии наиболее известным эпизодом с участием Адольфа Тьера по-прежнему остается его внешнеполитическая деятельность в период Восточного кризиса в 1840 году. Оценки его деятельности в различных национальных историографиях разнятся.

Во французской историографии позиция, занятая Тьером во время Восточного кризиса, рассматривается по-разному. Историки консервативного направления, например Эдуар Дрио¹³⁵, апологет внешней политики Франции, полностью оправдывают действия Тьера на Ближнем Востоке. Так, по мнению Дрио, Франция, поддерживавшая Мухаммеда Али, хотела лишь обеспечить самостоятельность Египта. Дрио считал Тьера борцом против русской и английской экспансии. Дрио проводит мысль о традиционной дружбе Франции с народами Сирии, Ливана, Египта, поэтому он пытается сгладить противоречивую политику Тьера по отношению к Египту в годы второго турецко-египетского кризиса.

Либеральное и республиканское направления (представленные Антонэном Дебидуром и Пьером Ренувеном соответственно¹³⁶) видят лишь политическое соперничество держав и вскрывают ошибки французского правительства и в целом всего внешнеполитического курса Луи-Филиппа в Восточном вопросе. Так, А. Дебидур отмечал существование англо-французских противоречий, однако сводил их к стремлению Пальмерстона унизить Тьера. Либеральный историк Дебидур сделал вывод о том, что Июльская монархия, потерпевшая дипломатическое поражение в ходе конфликта, бесповоротно себя скомпрометировала как во Франции, так и среди населения ближневосточных стран.

П. Ренуven видел сущность противоречий прежде всего в политическом соперничестве. Восточный вопрос того времени он рассматривал как дипломатическую дуэль между Пальмерстоном, Тьером и Николаем I. Противоборство европейских дипломатий на Ближнем Востоке не рассматривалось им как борьба за рынки и сферы влияния.

Консервативные и либеральные французские историки оправдывали и приветствовали экспансионистские планы правительства Луи-Филиппа. Не менее показательно их отношение к проблемам создания национальных государств на Ближнем Востоке. Отказывая им в праве на самостоятельное развитие, они считали необходимым вмешательство Франции в их внутренние дела. Стремление доказать «благородство» и «бескорыстие» французского правительства, справедливый характер защиты арабского мира против английской и русской агрессии характерно для историков обоих направлений.

Англосаксонская историография Восточного вопроса – зеркальное отражение французской историографии. Разница заключается в том, что место Франции как главного попечителя и благодетеля Турции и всего Ближнего Востока занимает в англосаксонской историографии Великобритания. В работах английских и американских историков прослеживается апологетический подход к политике Великобритании, которую авторы трактуют как «миролюбивую» в отношении Ближнего Востока. Они обеляют английскую колониальную политику и обвиняют французских политиков в предательстве англо-французского союза¹³⁷.

Большой вклад в изучение Восточного вопроса внесли арабские историки. Они ввели в научный оборот новые документальные материалы, хранящиеся в архивах Сирии, Ливана и Египта. До первой мировой войны они стояли на профранцузских позициях¹³⁸. После первой мировой войны в Египте появилась обширная литература о Мухаммеде Али. Этому спо-

¹³⁴ Тюлар Ж. Наполеон: миф о спасителе. М., 1996. С. 356.

¹³⁵ Driault E. La question d'Orient depuis les origines jusqu'à nos jours. P., 1912.

¹³⁶ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Ростов н/Д., 1995. Т. 1.; Renouvin P. Histoire des relations internationales. P., 1994. Vol. 2.

¹³⁷ Temperley H. England and the Near East. The Crimea. L., 1936.

¹³⁸ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 55.

собствовала широкая публикация источников по истории его правления. Из многочисленных работ особого внимания заслуживает монография Сабри, посвященная Восточному вопросу. Автору удалось преодолеть французское влияние – его концепция сугубо национальна. Однако Сабри доброжелательно относится к политике Тьера, так как тот поддерживал стремление Мухаммеда Али к независимости. Большое внимание автор уделил взаимоотношениям турецкого султана с Мухаммедом Али. Вопросы освещаются на обширном документальном материале, почерпнутом автором из египетских архивов. Сабри показал провокационный характер политики Англии на Востоке. Как и большинство арабских историков, Сабри рассматривает подписание Лондонских конвенций как национальное бедствие для Египта, так как эти соглашения открыли дорогу для проникновения английского капитала в египетскую экономику.

В 1958 году в Бейруте была издана работа современного ливанского историка Адель Исмаила «История Ливана с XVII века до наших дней». Четвертый том этого труда был посвящен периоду с 1840 по 1860 год. А. Исмаил опирался на большой круг европейских и арабских источников. Он привлек корреспонденцию дипломатического, военного и морского ведомств Франции и, что особенно ценно, использовал материалы бейрутских архивов – Национального музея, библиотеки Университета Св. Иосифа, библиотеки Американского университета. Работа Исмаила касается событий, последовавших за египетским кризисом 1840 года, но в первой главе автор подробно рассматривает восстание сирийцев против египетских властей и иностранную интервенцию 1840 года.

К арабской историографии можно причислить книгу французских историков Рене и Жорж Каттауи, турак по национальности, поскольку в своей книге они отразили присущее арабской историографии видение восточного вопроса. Их книга «Мухаммед Али и Европа» посвящена 100-летней годовщине со дня смерти основателя египетской династии. Работа написана на основе широкого круга европейских и арабских источников и прежде всего на материалах русского консульства в Александрии. В противовес концепции англосаксонских историков эти авторы подвергают резкой критике политику Великобритании на Ближнем Востоке, утверждают, что она никак не могла вызвать одобрение у народов Сирии, Ливана, Египта. Каттауи рассматривают иностранную интервенцию в Сирию как захватническую со стороны Англии. Авторы доказывают, что исторически прогрессивным было объединение всех мусульманских народов Османской империи под властью Мухаммеда Али. При этом они не замечают экспансионистских целей египетского паши и, напротив, оправдывают его панарабистскую программу. Тем самым эти историки оправдывали и колониальную политику Франции, мечтавшей в то время о создании арабской империи под своим покровительством.

Глава 1

Становление либерала (1814–1830)

Начало XIX века было важным этапом становления либерализма во Франции. В первые годы Реставрации либерализм окончательно оформился как политическое течение и закрепил за собой само понятие «либерализм».

Решающую роль в формировании французского либерализма начала XIX века сыграл опыт революции конца XVIII века, а также Первой империи. Колоссальные революционные потрясения, массовый террор, гражданская война и диктатура – все это в конечном счете породило во французском обществе страх перед революцией. Революционные идеи равенства, братства и даже в некоторой степени свободы были дискредитированы. Неограниченная свобода ведет к анархии, равенство и братство равнозначны власти толпы, республика не может защитить от диктатуры – многим в то время это казалось очевидной истиной. Казалось, что только монархия способна обеспечить личную свободу и спокойное развитие общества.

Отношение либералов к Французской революции конца XVIII века было довольно противоречивым. С одной стороны, либералы отстаивали мысль о прогрессивности французской революции, ее исторической закономерности и защищали бессословное общественное устройство, установившееся в результате Великой Французской революции. С другой стороны, французские либералы решительно осуждали политику террора и период якобинства и отвергали методы революционных изменений. Демократический характер Французской революции, а также политический опыт якобинства вызывали настоящий страх у либеральных деятелей в годы Реставрации¹³⁹.

Это поколение либерально настроенных деятелей пережило годы революции и диктатур – якобинской и наполеоновской. Отчасти поэтому французские либералы обращаются к идее порядка, стабильности в обществе как гарантии сохранения либеральных ценностей.

По мнению многих либералов, принятая в 1814 году Хартия – основной документ страны – позволяла надеяться на спокойное развитие Франции. В этом конституционном документе нашли свое отражение либеральные идеи конституционно-монархического устройства: равенство всех граждан перед законом, равный доступ к должностям, свобода личности, свобода вероисповедания, свобода печати, неприкосновенность частной собственности. Религиозная свобода ставилась многими либералам подчас даже выше всех остальных.

При Реставрации отношение к Хартии 1814 года являлось водоразделом для политических течений. Реакционеры-ультрароялисты, надеявшиеся на возвращение к старому порядку и абсолютизму, не принимали Хартию 1814 года за ее либеральные идеи. Напротив, республиканцы критиковали Хартию за ее чрезмерный элитизм, за то, что она не предоставляла право несостоятельным гражданам участвовать в выборах. Либералы же в большинстве одобряли Хартию 1814 года как залог и «свободы», и «порядка». Пережив революционный опыт, многие либералы начала XIX века полностью отвергали всеобщие выборы, утверждая, что участвовать в голосовании могут только граждане, отвечающие имущественному и образовательному цензу. Французские либералы полагали, что всеобщее избирательное право, демократия и республика ведут к власти толпы и деспотизму. Наилучшей гарантией свободы личности они считали разделение власти между королем и парламентом, избираемым богатыми собственниками. Либералы считали представительную систему правления наиболее совершенной. Идеальная политическая система – английская. В то же время часть либералов полагала, что со

¹³⁹ Федосова Е. И. Либеральная мысль в период Реставрации // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001. С. 82.

временем следовало предоставить более широкие права парламенту и снизить избирательный ценз.

Политическая деятельность либералов включала в себя выступления в печати и участие в парламентских дебатах, в которых они высказывались против ультрароялистов и отстаивали политические свободы, в первую очередь свободу слова и свободу печати. Либералы-депутаты делились на две фракции. Группировку, именовавшую себя доктринерами, возглавляли Ф. Гизо и П. Ройе-Коллар. Эта немногочисленная группировка придерживалась идеи, что каждое общество должно быть создано на основе определенных теорий государства и права. Чтобы обеспечить Франции стабильность, необходимо установление легитимной представительной монархии, считали доктринеры¹⁴⁰. Мысль о примирении старой и новой Франции была стержнем всех политических построений этой либеральной группировки, стремившейся сохранить идеалы 1789 года, отделив их от революционных бурь. Как отметил крупный французский исследователь Л. Жирар, доктринеры отделили от либерализма революционный дух, оставшись при этом сторонниками перемен, произошедших в ходе самой революции¹⁴¹.

Доктринеры защищали Хартию 1814 года, которая представлялась им идеальным документом. Хартия обеспечивала представительное правление и закрепляла гражданские свободы, что являлось неоспоримым достоинством этого конституционного документа в глазах французских доктринеров. Они расценивали Хартию 1814 года как некий итог политического развития Франции. Доктринеры были убеждены, что идти по пути новых политических реформ опасно, это грозит новыми бедствиями для их страны, поскольку может сломать хрупкое равновесие между новой и старой Францией. Совместить свободу и порядок в государстве – таков императив доктринеров. Стремление найти золотую середину (*juste milieu*), достичь компромисса между новым и старым ради обеспечения покоя и процветания Франции лучше всего характеризует политические размышления этой либеральной группировки. Доктринеры, как правило, оказывали поддержку правительствам Людовика XVIII. Более того, они охотно занимали в них министерские должности.

Другая группировка либералов – так называемые независимые, возглавляемая генералом Лафайетом и Б. Констаном. Ее представители занимали более критичную позицию в отношении режима Реставрации и часто выступали против действий правительства. Поддержав Хартию 1814 года, независимые полагали, что ее принятие обеспечит недопущение реставрации старых порядков и предотвратит эксцессы революции, в то же время они никогда не ставили знак равенства между режимом Реставрации и своим политическим идеалом. Независимые рассматривали этот политический режим как «начало трудного пути по внедрению во французскую жизнь идей либерализма и развития институтов парламентаризма»¹⁴². Особенно активно они выступали в поддержку национально-демократических движений в Европе, главным образом испанского и греческих народов. Либералы признавали за народами право выбора государственного устройства и вероисповедания.

В такой политической обстановке шло становление Адольфа Тьера как либерального мыслителя и политика.

¹⁴⁰ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1858. Vol. 1. P. 155–159.

¹⁴¹ Girard L. Les libéraux français. 1814–1875. P., 1985. P. 79.

¹⁴² Федосова Е. И. Либеральная мысль в период Реставрации. С. 90.

§ 1. Политические взгляды А. Тьера в первой половине 20-х годов XIX века

Луи Адольф Тьер родился 16 апреля 1797 года в Марселе. По отцу он был потомком респектабельных и успешных буржуа. Дедушка по отцовской линии, Луи Шарль Тьер, был нотаблем, адвокатом в Экс-ан-Провансе, затем в Марселе. Кроме того, он занимал пост главного секретаря и контролера финансов в коммуне Марселя. В круг его обязанностей также входила перестройка улиц и реорганизация санитарии в городе. Но в начале революции 1789 года он был лишен всех должностей¹⁴³. Дедушка А. Тьера по материнской линии, Клод Амик, управлял торговой факторией богатых негоциантов Сейманди. Прадед Тьера, грек по происхождению, Антуан Ломака, был антикваром и впоследствии стал официальным поставщиком ювелирных изделий для гарема турецкого султана¹⁴⁴. Но в течение первых лет Французской революции 1789 года обе семьи, Тьеров и Амик, потеряли все свои богатства, поэтому детство Адольфа Тьера прошло в бедности.

Окончив школу в годы Первой империи, А. Тьер поступил в Марсельский лицей, где изучал военное дело. Но вскоре он бросил учебу в Марселе, и осенью 1814 года отправился с матерью в Экс-ан-Прованс, где стал изучать право на юридическом факультете.

Во второй половине 1810-х годов политические воззрения Тьера только начинали формироваться. Под воздействием своего окружения в Эксе – городского магистрата д'Арлатана де Лори, доктора Арно (знакомство с ними состоялось благодаря сопроводительным письмам, полученным матерью Тьера перед их отбытием из Марселя¹⁴⁵) и сокурсника Тьера по юридическому факультету Ф. Минье, ставшего впоследствии его близким другом, – Адольф Тьер постепенно становился сторонником либеральных взглядов. Кажется довольно странным, что он примкнул к либералам, учитывая два обстоятельства: во-первых, то, что его родители потеряли свое состояние в результате революции и враждебно относились к революционному прошлому своей страны. Во-вторых, тот факт, что он провел свое детство в Марселе – городе, где ненавидели Наполеона I за то, что в результате континентальной блокады некогда богатый, процветающий портовый город пришел в упадок. Кроме того, в Эксе, куда Тьер переехал из Марселя, напротив, традиционно было много роялистов, имевших большое влияние на общественную жизнь в Эксе¹⁴⁶. Иными словами, атмосфера городов, в которых жил Тьер, должна была выработать у него неприятие к Французской революции конца XVIII века. Но этого не случилось.

Не имея достаточного количества источников по периоду 10-х годов XIX века, сложно судить о причинах, объясняющих формирование либеральных взглядов Тьера. К их числу можно отнести как само либеральное окружение Тьера в Эксе, так и стечение обстоятельств: дом одного из его друзей, Эмиля Телона – протестанта из Нима, был разграблен в годы «белого террора» (1815–1816). Помимо этого, шествия радикально настроенных католиков, организованных католическим духовенством на юге Франции, также вызывали у Тьера отрицательную реакцию. Он выступал против политического экстремизма. Известно, что семья Тьера и он сам не были очень религиозными людьми¹⁴⁷. В 20 лет Тьер писал, что он – «материалист», «атеист» и «скептик»¹⁴⁸. А. Тьер очень критично относился к притязаниям священников: «Именно

¹⁴³ Allison M. S.J. Thiers and the French monarchy. Boston, 1926. P. 6.

¹⁴⁴ Ibid. P. 8.

¹⁴⁵ Allison M. S.J. Op. cit. P. 12.

¹⁴⁶ Knibiehler Y. Naissance des sciences humaines. Mignet et histoire philosophique au XIX siècle. P., 1973. P. 21.

¹⁴⁷ Pomaret Ch. Monsieur Thiers et son temps. P., 1948. P. 104.

¹⁴⁸ Bibliothèque Thiers. Fonds Thiers. Première série. Dossier 24. Lettres de M. Thiers adressées à divers (1824 à 1877). Fol. 54.

сегодня можно подтвердить, что Франция скорее атеистическая, чем либеральная <...> Отвращение является всеобщим, можно повстречать толпу людей, говорящих: “Почему мы не протестанты?”»¹⁴⁹. В 20-е годы XIX века Тьер писал, что «иго Церкви – самое ненавидимое из всех во Франции»¹⁵⁰.

Американский исследователь Джон Эллисон объяснял либеральные взгляды Тьера «юношеским фрондерством»¹⁵¹. По мнению британских историков Дж. Бюри и Р. Томбса, главная причина кроется в другом: стать либералом в то время было «практично», поскольку во Франции была безработица, и многие талантливые юноши не могли рассчитывать на административные должности, несмотря на декларируемый в Хартии 1814 года принцип равного доступа к должностям. Как считают английские исследователи, места предоставлялись главным образом «лояльным роялистам», доказавшим свою верность трону¹⁵². Хотя это утверждение мало что объясняет с точки зрения причин становления Тьера как либерального деятеля, можно сделать вывод, что британские историки ставят знак равенства между либерализмом и лояльным роялизмом того времени.

Во второй половине 10-х годов XIX века Тьер пробовал себя в разных качествах. Чтобы заработать на жизнь, он начал деятельность литератора. Так, в 1816 году Тьер написал трагедию «Тиберий Гракх», в которой он восхвалял Римскую республику и либеральные реформы, инициированные этим крупным древнеримским государственным деятелем. В том же году он начал писать произведение о жизни и деяниях Тадеуша Костюшко – польского политического и военного деятеля, возглавившего Польское восстание 1794 года¹⁵³. В 1817 году Тьер написал эссе «О судебном красноречии». За это сочинение он получил приз Академии Экса¹⁵⁴. В том же году Академия Экса объявила конкурс на лучшую работу по изучению творческого наследия местного моралиста начала XVIII века, которого звали Люк де Клапье Вовенарг. Он был одним из почитаемых в Провансе литераторов. Его книга «Максимы» пользовалась большим спросом в предреволюционный период и выделялась на общем фоне вследствие того, что в ней было меньше пессимизма, чем во многих сочинениях такого жанра¹⁵⁵. Тьер принял решение участвовать в этом конкурсе, написал эссе о творчестве Вовенарга и в итоге выиграл конкурс.

Некоторое время Тьер проработал адвокатом вместе с Франсуа Минье, но адвокатская карьера не удалась, и в сентябре 1821 года он Тьер уехал в Париж. Безденежье стало серьезной проблемой для провинциала, приехавшего завоевывать столицу. Но благодаря давним связям доктора Арно Адольф Тьер познакомился с либералом Жаком Манюэлем – бывшим адвокатом из Экса, ярким оратором, представлявшим департамент Вандея в палате депутатов. Манюэль был непримиримым противником режима Реставрации, ненавидел Бурбонов. Он познакомил Тьера с известным французским банкиром и либеральным деятелем Жаком Лаффитом, а также рекомендовал Тьера Шарлю Этьену – хозяину либеральной газеты «Конститусьонель»¹⁵⁶.

На тот момент «Конститусьонель» считалась самой оппозиционной газетой во Франции, часто критиковавшей действия французского правительства. Она начала выходить в 1819 году и довольно быстро стала популярной в Париже. К 1826 году тираж этой газеты составлял от 20 000 до 21 000 экземпляров – то есть почти две пятых тиража всех парижских газет. «В каком кафе, в каком читальном зале в Париже и во всей Франции нет хотя бы одного или нескольких экземпляров “Конститусьонель”?» – писал автор одного отчета, составленного им

¹⁴⁹ Marquant R. Thiers et le baron Cotta. Etude sur la collaboration de Thiers à la Gazette d'Augsbourg. P., 1959. P. 225, 390.

¹⁵⁰ Ibidem.

¹⁵¹ Allison M. S.J. Op. cit. P. 13.

¹⁵² Bury J. P. T., Tombs R. P. Thiers, 1797–1877. A political life. L., 1986. P. 4.

¹⁵³ Allison M. S.J. Op. cit. P. 12.

¹⁵⁴ Zevort E. Thiers. P., 1892. P. 19–21.

¹⁵⁵ Allison M. S.J. Op. cit. P. 12.

¹⁵⁶ Thureau-Dangin P. Le parti libéral sous la Restauration. P., 1876. P. 207.

для премьер-министра Франции¹⁵⁷. 27 января 1826 года Тьер отмечал: «Редакция, возглавляемая господами Этьеном и Жеем (Jay), крепко привязана к конституционным доктринам. В настоящий момент “Конститусьонель” лидирует по числу подписчиков, и это – единственная газета, которую читают даже в деревнях»¹⁵⁸.

Газета «Конститусьонель» выступала с либеральных и резко антиклерикальных позиций, но благодаря умелой работе талантливых редакторов эта газета не становилась объектом судебного преследования со стороны властей. В ней печатались оппозиционеры самых различных взглядов, включая даже бывших бонапартистов и республиканцев¹⁵⁹. Часто публиковался в этой газете и Ж. Манюэль.

В ноябре 1821 года Тьер стал штатным сотрудником газеты «Конститусьонель». Он интересовался всем и писал обо всем. В сфере его интересов были финансы, война, искусство и культура. Он активно посещал салоны, внимательно слушал выступления и участвовал в дискуссиях. В это же время близкий друг Тьера Франсуа Минье начал регулярно публиковаться в другой либеральной газете «Курье франсэ».

Начиная с 1824 года Тьер стал отправлять письма в Аугсбургскую газету – одну из крупнейших в Германии в то время. Переписка с хозяином газеты бароном Иоганном Фридрихом Котта фон Коттендорфом из Лейпцига была анонимной (Тьер подписывался «французским корреспондентом») и продолжалась вплоть до 1830 года. Некоторое время Тьер печатался и в других либеральных газетах – «Глоб» и «Таблет универсель». В то же время до середины 1820-х годов он почти не писал статей на политические темы, ограничившись заметками об искусстве и культуре. Это было связано с тем, что на тот момент Адольф Тьер был малоизвестным и еще не авторитетным журналистом, а передовицы о политике писали опытные, именитые авторы. Тьер отказался от сотрудничества с газетой «Монитор», официальным печатным органом режима Реставрации. В годы Реставрации он предпочел остаться в оппозиции.

Помимо активной журналистской деятельности в 1823 году А. Тьер подписал контракт с издателями Лекуантом и Дюре на написание «Истории Французской революции». Десяти-томное издание появилось между 1823 и 1827 годами. Публикация этого исторического труда принесла Тьеру известность и открыла ему двери во Французскую академию наук, куда он был принят в 1833 году.

Следует отметить, что в годы Реставрации тема Французской революции, отношение к ней, к ее итогам была главным дебатруемым вопросом во французском обществе. Всплеск интереса к истории был во многом понятен. В течение четверти века Европа переживала бурные события: рушились троны, перекраивались границы, возникали и исчезали государства. Столь стремительная смена событий заставляла задуматься над смыслом истории. Неудивительно, что в годы Реставрации сформировалась целая плеяда крупных историков (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье)¹⁶⁰.

Адольф Тьер был не первым, кто решил обратиться к событиям 1789 года. В 1818 году вышло произведение Жермены де Сталь «Размышления об основных событиях Французской революции», в котором она одной из первых попыталась осмыслить характер и итоги Французской революции. Главная идея этого произведения – защитить революцию 1789 года и обосновать ее правомерность в стране, где, по мнению Ж. де Сталь, царствовал абсолютизм. Революция 1789 года не была случайным явлением, она подготавливалась всем ходом французской истории и подарила Франции свободу, считала мадам де Сталь¹⁶¹.

¹⁵⁷ Ledrè Ch. La presse à l'assaut de la monarchie, 1815–1848. P., 1960. P. 16, 242.

¹⁵⁸ Цит. по: Guiral P. Adolphe Thiers ou de la nécessité en politique. P., 1986. P. 35.

¹⁵⁹ Thureau-Dangin P. Le parti libéral sous la Restauration. P. 208.

¹⁶⁰ Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 16.

¹⁶¹ См.: Федосова Е. И. Указ. соч. С. 86.

Уже в одной из своих ранних статей в газете «Конститусьонель», относящейся к 1822 году, Тьер выразил свое отношение к Французской революции 1789 года: «Нет, нет, у нас не было до 1789 года всего того, что мы получили после этого года; ибо бессмысленно восставать без причины, и нация не становится безумной в одно мгновение <...> Подумайте, что до 1789 года у нас не было ни ежегодного представительства, ни свободы прессы, ни вотирования налогов, ни равенства перед законом, ни доступа к должностям. Вы утверждаете, что все это было в сознании, но потребовалась революция, чтобы это реализовать в законах»¹⁶².

В «Истории Французской революции» такая оценка революции 1789 года получила свое развитие. Исследование носило исключительно повествовательный характер, с подробным изложением исторических подробностей и красочных деталей. Революция рассматривалась Тьером только как политический процесс – неизбежный крах отжившей политической системы и ее смены другой. Адольф Тьер оправдывал и защищал Французскую революцию, считая ее неизбежной и необходимой¹⁶³. Неизбежность революции 1789 года, а также политические действия, совершенные в ходе ее, он объяснял «историческим фатализмом», придав ему, как отметила Ивон Книбишер – французская исследовательница, изучавшая исторические труды Минье и Тьера, «провиденциалистский характер» (*la force des choses*)¹⁶⁴. Тьер трактовал революцию как вынужденную крайность, вызванную политической необходимостью.

Изложенный Тьером материал должен был продемонстрировать не произвольную, случайную череду событий, но цепочку причинно-следственных связей, раскрывавшихся «с такой ясностью, достоверностью и логикой, что каждый или почти каждый, кто прочтет этот труд, будет считать эти события неизбежными. Далее читатель начнет извинять, оправдывать и даже иногда восхищаться людьми, принявшими участие в Революции...»¹⁶⁵, – писал современник Тьера, литературный критик Шарль Огюстен де Сент-Бев.

Тьер подошел к рассмотрению периода Французской революции 1789 года как историк, стремившийся понять произошедшее, а не давать только оценки тем или иным деятелям. Возможно, поэтому события, которые противники Революции рассматривали как ужасающие преступления (например, казнь Марии-Антуанетты и Людовика XVI), Тьер описывал как незначительные происшествия в политической жизни того времени. Судебный процесс и казнь Людовика XVI, пересказанные Тьером, не воспринимались как великая драма или святотатство, но лишь как политические действия. Французский король не был героем или мучеником, а представлял собой только мелкую политическую фигуру, значимую только потому, что его казнь стала объявлением Революцией войны Старому порядку¹⁶⁶.

Однако Адольф Тьер в «Истории Французской революции» не был враждебен идее монархии. Изучение революции 1789 года привело его к убеждению, что конституционная монархия – лучшая форма правления, так как она являлась «компромиссом между тронem, аристократией и народом»¹⁶⁷. Конституционная монархия должна быть основана на принципе, высказанном Тьером несколько позднее: «Король правит, но не управляет». В книге эта фраза звучала следующим образом: «Нация желает, а король исполняет». На страницах «Истории Французской революции» Тьер высказывался за принятие английской модели государственного устройства. Но он признавал, что в 1790-х годах она была невозможна ввиду сложного международного и внутривнутриполитического положения во Франции¹⁶⁸. Однако установление конституционной монархии, то есть монархии, ограниченной парламентскими институтами, стало

¹⁶² Цит. по: Pomaret Ch. Monsieur Thiers et son temps. P., 1948. P. 162.

¹⁶³ Knibiehler Y. Naissance des sciences humaines. Mignet et histoire philosophique au XIX siècle. P., 1973. P. 118.

¹⁶⁴ Ibid. P. 129.

¹⁶⁵ Sainte-Beuve C. A. Historiens modernes de la France // Revue des Deux Mondes. 1845. Vol. 9. P. 266–267.

¹⁶⁶ Thiers A. Histoire de la Révolution française. P., 1824. Vol. 3. P. 366–367.

¹⁶⁷ Ibid. P. 11.

¹⁶⁸ Thiers A. Histoire de la Révolution française. P., 1823. Vol. 2. P. 3, 4.

возможным в 20-е годы XIX века благодаря стабильной международной и внутривнутриполитической обстановке – такова политическая установка Тьера.

Вместе с тем «История Французской революции» А. Тьера наглядно продемонстрировала оригинальную черту во взглядах автора: выступая в защиту Революции и даже якобинского периода, он оправдывал эксцессы Французской революции, объясняя их исторической необходимостью. Тьер отмечал: «Память о себе Конвент оставил грозную, но в его пользу можно привести один факт – один только, но такой громадный, что все упреки перед ним падают сами собою: он спас Францию от иностранного вторжения»¹⁶⁹.

Более того, Тьер показал положительные достижения якобинцев в создании нового государства и в защите Франции от сил реакции. В третьем томе «Истории» он обратился к периоду Конвента, который до того времени в памфлетной литературе описывался главным образом в самых мрачных тонах (за исключением произведения Ж. де Сталь). Тьер, даже когда он критиковал отдельных личностей, был готов увидеть заслуги в проводимой ими политике.

Адольф Тьер описывал членов Конвента как деятелей, «воодушевляющих нацию <...> поставивших один миллион восемьсот тысяч человек под ружье, покоренных героизмом Вандеи, препятствовавших политике Питта и разбивших европейскую коалицию; в то же самое время создавших новый социальный порядок, новую гражданскую и военную администрации, новую экономическую и финансовую системы; изобретших новые меры времени, веса и расстояния, добавивших к смелости своих концепций непоколебимую силу исполнительности <...> последовательно использовавших базарный язык с самой высокой степенью красноречия; выпустивших сорок четыре миллиона бумажных денег и обедавших на четыре пенса в день; общаясь с Европой и отправляясь в Тюильри пешком и в повседневной одежде; иногда сочетая беспрецедентную политическую жестокость с величайшей индивидуальной добротой»¹⁷⁰.

Книга Тьера утверждала во французском обществе либеральное видение революции 1789 года. Оно заключалось в следующем: Французская революция 1789 года – это эпохальное событие в истории; революция не являлась случайным явлением, она была необходима и неизбежна; эксцессы революции были вызваны внутренним сопротивлением и внешним вмешательством; фаза насилия и террора была завершена восстановлением порядка при Директории и Консульстве, когда Революция вошла в заключительную фазу создания современного государства.

Изложение А. Тьером последних лет Республики имело ясный политический контекст: в конечном счете Революция подняла Францию к вершинам, которым режим Реставрации не соответствовал. «Когда наша страна была лучше и величественнее? <...> Мы, французы, наблюдающие, как душится наша свобода, как иноземцы вторгаются в нашу страну, а наши герои убиты или преданы забвению, давайте же никогда не забудем этих бессмертных дней свободы, величия и надежд!» – с такими словами Тьер обращался к своему читателю¹⁷¹.

Однако целью Тьера была не только полемика с ультрароялистами, желавшими возвращения к дореволюционным порядкам. Полагая, что с революцией началось рождение современной французской государственности, Тьер хотел изучить функционирование новой политической системы. Он задумывал свою «Историю Французской революции» как попытку самому постичь политику государственного строительства. Тьер стремился понять и объяснить своим читателям, почему политики принимали те или иные трудные решения, чем они при этом руководствовались. Большое внимание он уделял военной истории Революции, считая, что армия и финансы создают опору власти¹⁷².

¹⁶⁹ Ibidem.

¹⁷⁰ Ibid. Vol. 3. P. VIII–IX.

¹⁷¹ Thiers A. Histoire de la Révolution française. P., 1827. Vol. 8. P. 329.

¹⁷² Thiers A. Histoire de la Révolution française. P., 1824. Vol. 3. P. XI.

«История Французской революции» интересна в нашем случае как источник для понимания становления Тьера как либерала и политического деятеля в будущем, а не как историческое исследование революции конца XVIII века во Франции, тем более что она и не задумывалась ее автором как таковое и была предназначена для широкой публики, для массового читателя.

Консервативные и некоторые либеральные критики незамедлительно отреагировали на произведение Тьера. Газета «Журналь де Деба» выразила точку зрения многих, раскритиковав Тьера за то, что он «поставил политику на место сострадания, а необходимость на место морали»¹⁷³. Тьеру вменяли в вину то, что он не осуждал казни, но объяснял их политическими соображениями, что он отстранился от дачи моральных оценок тем или иным действиям (например, казни Марии-Антуанетты и Людовика XVI). В самом деле, А. Тьер и Ф. Минье (опубликовавший свою двухтомную «Историю Французской революции» в 1824 году) уклонились от того, чтобы дать моральную оценку Революции и Террору. Многие либералы предпочли аплодировать «великим завоеваниям 1789 года», но осудили якобинскую диктатуру. Франсуа Гизо, например, ранее утверждал, что неправильно «брать прошлое в целом (en bloc)»¹⁷⁴. Напротив, Тьер и Минье как раз это и сделали: Революция оказалась «возвышенной и отвратительной одновременно». Либерал Бенжамен Констан неистово раскритиковал позицию Тьера и Минье: «Оправдывать правление 1793 года, описывать его преступления и безумия как необходимость, которая давит тяжким грузом на народы, когда они ищут свободы, равносильно причинению вреда священному делу; ущерб от этого еще более велик, чем от признанных врагов»¹⁷⁵.

Французская публика не сразу отреагировала на работу Тьера. Но начиная с третьего тома (изданного в 1824 году), касающегося эпохи Конвента, интерес к ней в обществе резко возрос. Роялисты критиковали эту книгу, тогда как либералы в большинстве своем, напротив, хвалили. Произведение Тьера расценили как протест против реакции и смелое выступление в защиту Революции. «История Французской революции» была направлена против абсолютной монархии, аристократии, духовенства, Тьер защитил принципы и деятелей Французской революции 1789 года.

Тираж был быстро раскуплен. Последний том появился в 1827 году. К 1833 году было распродано 150 000 томов, а к 1845 году было продано 80 000 комплектов книги (по 10 томов в каждом) – что эквивалентно одной трети электората во Франции того времени (к 1848 году уже насчитывалось 20 переизданий!).

Одним из центральных событий в политической жизни Франции начала 20-х годов XIX века было обсуждение возможной интервенции Франции в Испанию. В 1820 году произошли восстания в Испании, Португалии и Неаполитанском королевстве. В Испании в ходе либеральной революции с трона был сброшен абсолютистский монарх Фердинанд VII. По просьбе свергнутого испанского короля австрийский канцлер К. Меттерних созвал конгресс в Вероне в 1822 году, на котором, несмотря на бурные протесты Великобритании, страны Священного союза поручили Франции вернуть испанскую корону Фердинанду VII. Французский король Людовик XVIII согласился, потому что Франции как государству такая интервенция была выгодна – она подчеркивала внешнеполитическую самостоятельность режима Реставрации и позволяла Франции интегрироваться в Священный союз в качестве равноправной державы.

Однако парламентские дебаты по этому вопросу во Франции затянулись. Французские ультрароялисты требовали немедленной интервенции, веря в ее несомненный успех, в то время

¹⁷³ Цит. по: Bury J. P. T., Tombs R. P. Thiers. P. 144.

¹⁷⁴ Ibidem.

¹⁷⁵ Knibiehler Y. Op. cit. P. 174.

как либералы, ведомые в парламенте группировками Лафайета и Манюэля, заявили, что война, направленная на подавление свободы, обязательно окончится полным провалом¹⁷⁶.

Дискуссия об интервенции в Испанию стала основной темой, обсуждаемой по всей Франции. Она также явилась отличной пищей для журналистов. В газете «Конститусьонель» Тьеру поручили отправиться в приграничные с Испанией области и подготовить статьи для газеты о сложившейся там ситуации. Вероятно, что для узкого круга либералов, с которыми Тьер был тесно связан, журналист должен был сделать честный репортаж об истинном положении дел на франко-испанской границе. Для широкой публики ему было поручено собрать материал о французской армии, посланной на защиту абсолютизма в Европе.

Путешествие на Пиренеи началось в конце ноября 1822 года и завершилось в декабре того же года. Результатом этой поездки стал памфлет «Пиренеи и юг Франции в ноябре и декабре 1822 года». В этом произведении Адольф Тьер описывал пейзажи юга Франции, рассказывал о состоянии и боевом духе французских войск, посланных к франко-испанской границе. В памфлете Тьер выступил против интервенции в Испанию и критиковал французскую армию, отправленную восстанавливать там абсолютизм¹⁷⁷. Но в отличие от многих французских либералов, он не считал, что военную экспедицию в Испанию ждет печальный финал. В разговоре с Ш.-М. Талейраном, состоявшимся сразу после поездки Тьера на франко-испанскую границу в 1823 году, он отмечал: «...речь идет не о национальной, а только о политической независимости, и, определенно, большинство испанцев будет рассматривать оккупантов скорее как освободителей, чем угнетателей...»¹⁷⁸.

Памфлет Тьера не ограничивался только испанской тематикой и заметками о путешествии к южным границам Франции. Он уделил внимание нравам и порядкам в самой Франции начала 20-х годов XIX века. Поэтому этот памфлет Тьера следует рассматривать не как промежуточную статью, а как серьезное политическое заявление.

Замечания Тьера о состоянии современной ему Франции разбросаны по всему тексту памфлета. По его мнению, во Франции периода Реставрации было недостаточно свобод. В качестве иллюстрации этой мысли Тьер привел записанный им диалог с комиссаром французской полиции. Общение произошло, когда Тьер попытался подать заявку и получить пас порт для заграничной поездки.

Тьер: «Заявляю: я желаю свободно передвигаться и хочу получить паспорт».

Комиссар: «В каком направлении?»

Тьер: «За рубеж».

Комиссар: «За рубеж! Да еще в такое время, как теперь! Куда это Вы собрались?»

Тьер: «В Швейцарию»¹⁷⁹.

Комиссар: «Каким делом Вы собираетесь там заниматься?»

Тьер: «Никаким».

Комиссар: «Никаким! И как вы себе представляете? Как без веских причин господин префект позволит Вам покинуть Францию?»

Тьер: «Если я решу путешествовать без веских причин, должен ли господин префект найти их для меня? В любом случае, разве тот факт, что я хочу увидеть страну, не является достаточным?»

Комиссар: «Этого достаточно. Власти подумают, что они могут сделать для Вас. Приходите через три дня».

Тьер: «Через три дня! А что, если я тороплюсь, если все приготовления уже сделаны?»

¹⁷⁶ Senior Nassau W. Conversations with Monsieur Thiers, Guizot and other distinguished persons during the Second Empire. L., 1878. Vol. 1. P. 62–63.

¹⁷⁷ Thiers A. Les Pyrénées et le Midi de la France pendant les mois de novembre et décembre 1822. P., 1823. P. 62.

¹⁷⁸ Senior Nassau W. Op. cit. Vol. 1. P. 62–63.

¹⁷⁹ Тьер решил воспользоваться своим поручением, чтобы отправиться в Швейцарию, которую ему хотелось посетить.

Комиссар: «Через три дня».

Тьер: «Но, пожалуйста, разве кто-нибудь жаловался господину префекту на меня? Есть ли причина подозревать меня?»

Комиссар: «Нет, совсем никакой».

Тьер: «В таком случае доволен ли мной господин комиссар? Или добропорядочными гражданами могут быть только те, с кем он не знаком?»

Комиссар: «Приходите через три дня»¹⁸⁰.

Несомненно, этот разговор был приукрашен Тьером для того, чтобы позабавить своих читателей, но в целом эта беседа была реальной; тем более что известно – паспорт, в самом деле, был получен им с большим трудом, и за его передвижениями внимательно следила французская тайная полиция. С самого отбытия Тьера из Парижа власти французских департаментов, куда он приезжал, сигнализировали в Париж о его появлении, а о его действиях в этих департаментах дополнительно сообщала полиция. Французское правительство подозревало, что Тьер был послан парижскими либералами к генералу Мине – лидеру испанских конституционалистов, но власти Франции не могли это доказать¹⁸¹, поэтому чиновники в Париже и в провинциях были озабочены его перемещениями. Префекты департаментов Буш-дю-Рон, Арьеж и Верхних Пиренеев подробно информировали о передвижениях Тьера и называли имена тех, с кем он встречался¹⁸². Префект департамента Буш-дю-Рон сообщал следующее: «Его политические взгляды (Тьера. – *Примеч. И.И.*) отвратительны (*mauvaises*), а его поведение характеризует его как горячего сторонника либерализма (*partisan outré du libéralisme*)»¹⁸³.

Когда паспорт был наконец получен Тьером, молодой либерал отправился в Женеву. Женева, по его мнению, была идеальным местом. В отличие от Франции там царила настоящая свобода, так считал Тьер. Поэтому в своем памфлете он специально сравнил политические порядки в Швейцарии и во Франции, чтобы недостатки французской политической системы были видны наиболее отчетливо.

На франко-швейцарской границе Тьер заговорил с таможенниками. Между ними состоялся следующий диалог: «Кто вы?» – «Я – француз». «Ваше имя?» – «Адольф Тьер». «У Вас есть паспорт?» – «Нет». «Проходите». Тьер был восхищен такой степенью свободы, но язвительно добавил: «С тех пор я уже не знал, существовало ли правительство в Женеве!»¹⁸⁴. Данный эпизод свидетельствовал о том, что государство, где существует неограниченная свобода, но нет порядка, вызывает у Тьера некоторые опасения. В то же время он противопоставлял Женеву, где было «слишком много свободы», режиму Реставрации, где свободы, по его мысли, было очень мало.

Возвратившись из Швейцарии во Францию, чтобы продолжить путь на Пиренеи, Тьер убедился в этом. В каждом небольшом городке на юге Франции мэры этих городов проверяли его паспорт и задавали ему много вопросов, связанных с его передвижениями. Это не нравилось Тьеру, потому что он считал, что нарушается его право свободно передвигаться по стране. Наиболее рельефно эти размышления отражены в его диалоге с двумя попутчиками испанцами.

«Двое молодых испанцев, свидетели этой сцены (когда мэр не хотел пропускать Тьера в следующий город. – *Примеч. И.И.*), подошли ко мне.

– И вы, – сказали они мне, – вы являетесь отцами свободы (*pères de liberté*) в Европе! Следует признать, что вы сами не можете воспользоваться свободами.

¹⁸⁰ Thiers A. Les Pyrénées et le Midi de la France pendant les mois de novembre et décembre 1822. P. 1–3.

¹⁸¹ Lettre de Thiers à Rouchon, 19 décembre 1822 // Allison M. S.J. Thiers and the French monarchy. Boston, 1926. P. 36.

¹⁸² Archives Nationales. F/7/ 6934. Lettre de Préfet des Hautes-Pyrénées au Ministre de l'Intérieur, 19 décembre 1822; Préfet de l'Ariège au Ministre de l'Intérieur, 23 décembre 1822.

¹⁸³ Archives Nationales. F/7/ 6934. Lettre de Préfet des Bouches-du-Rhône au Ministre de l'Intérieur, 23 janvier 1823.

¹⁸⁴ Thiers A. Les Pyrénées et le Midi de la France pendant les mois de novembre et décembre 1822. P. 7–8.

– Друзья мои, – сказал я им, – нужны жертвы ради общественной безопасности.

– Возможно, – ответили они. – Если паспорт позволяет узнать намерения его владельца; если бы все жандармы умели читать <...> если бы паспорта раскрыли хоть один заговор, спасли бы хоть одно правительство или одного министра, пускай. Но эти паспорта притесняют всех, от них нет никакого проку, и они ранят самую чувствительную из всех свобод – личную свободу (*liberté privée*). Если сегодня народы не чувствуют более угнетения, то они, по крайней мере, чувствуют стеснение, неудобство. Правительствам не следует слишком притеснять свои народы и обращаться с ними как со своими заключенными, которым они предоставили город в качестве тюрьмы»¹⁸⁵.

Если в начале 20-х годов XIX века происходит постепенное формирование взглядов Адольфа Тьера, то уже к середине 20-х годов он предстает как человек с определенными политическими убеждениями. В этот период Тьера можно охарактеризовать как монархиста-конституционалиста, отстаивающего представительную форму правления во Франции. Он положительно оценивает итоги Французской революции 1789 года. В то же время его позиция достаточно оригинальна и отличается от взглядов многих французских либералов. Прежде всего, это касается одобрительной оценки, данной Тьером якобинскому периоду в истории Франции.

Вместе с тем отстаивание Тьером таких принципов, как свобода личности, равенство всех граждан перед законом, равный доступ к должностям и свобода прессы, характеризует его как либерала. Индивидуальная свобода имеет для него колоссальное значение, что хорошо видно по его публикациям первой половины 20-х годов XIX века. Однако, по мнению Тьера, режиму Реставрации как раз и не достаёт свободы. Впоследствии недостаточная степень свободы вызовет резкое неприятие им политического режима, установившегося во Франции в 1815 году.

¹⁸⁵ Ibid. P. 12.

§ 2. Теоретик представительного правления (вторая половина 1820-х – 1830 год)

Идея представительной монархии является центральной для всех французских либералов того времени, для них это идеальная форма правления. Мы находим эту идею и в произведениях Тьера – в первую очередь в его историческом труде «История Французской революции», а также в некоторых газетных публикациях. Однако нельзя не отметить, что в 20-е годы XIX века Адольф Тьер редко писал статьи на политические темы во французских газетах, что было связано, во-первых, с наличием цензуры во Франции (законы о прессе 1822 и 1827 годов) и невозможностью открыто высказывать свои мысли, а во-вторых, с тем, что в тот период основное внимание Тьер уделял написанию «Истории Французской революции», последний том которой вышел в 1827 году.

К концу же 1820-х годов тема представительного правления начинает постоянно подниматься в газетных статьях Тьера. Вероятно, в немалой степени это было связано с воцарением в 1824 году Карла X – главы ультрароялистов и одного из главных вдохновителей «белого террора» 1815–1816 годов – и поправлением всего режима Реставрации.

Реакционность режима Реставрации стала особенно ощутима в период министерства Ж. Полиньяка (август 1829 года – июль 1830 года) – ультрароялиста и бывшего эмигранта, отказавшегося присягать Хартии 1814 года. События августа 1829 года, когда премьер-министром Франции по указу Карла X был назначен Жюль Полиньяк, всколыхнули многих журналистов, ведь, как позднее вспоминал Тьер, «мнения и тенденции, которые вдохновляли новый кабинет, указывали, по какому пути с наибольшей вероятностью пойдет королевская власть. Ограничения предоставленных свобод, суровые меры против прессы, против всей либеральной партии; притеснения, жестокие репрессии, государственные перевороты. Можно было все предположить, всего испугаться»¹⁸⁶. Возможность реставрации во Франции Старого порядка становилась все более очевидной.

Адольф Тьер убеждал редакцию газеты «Конститусьонель» занять более решительную позицию в оценках действий властей, но, несмотря на поддержку некоторых членов редакции и журналистов этого издания, таких как Шарль Этьен и Эварист Демулен, ему так и не удалось этого сделать¹⁸⁷. Владельцы либеральных газет не хотели идти на конфронтацию с властью. Поэтому Тьер уволился из «Конститусьонель» и решил создать новую газету.

Как раз в это время появляются либеральные газеты, отличающиеся большим радикализмом в оценках политики французского правительства, чем газета «Конститусьонель». Так, в июле – октябре 1829 года с капиталом в 500 000 франков появилась газета «Тан» (*Le Temps*), которая, как изначально предполагалось, защищала бы свободы, гарантированные Хартией 1814 года. С середины февраля 1830 года после смены руководства газета «Глоб» начала отстаивать либеральные взгляды¹⁸⁸. В этой газете Шарль де Ремюза стал ведущим журналистом.

Наконец, 3 января 1830 года появилась газета «Насьональ», ставшая впоследствии самой радикальной либеральной газетой и перешедшая от критики режима к призывам, по сути, к революционному перевороту. Название газеты было выбрано неслучайно, оно указывало, что журналисты обращались к властям от имени всей французской нации. Финансовую поддержку новому изданию оказали банкир Лаффит, французский барон Луи и немецкий барон Котта фон Коттендорф. Во главе редакции новой газеты стояли А. Тьер, его близкий друг Ф. Минье и

¹⁸⁶ s. a. Histoire complète de m. A. Thiers. P., 1878. P. 17–18.

¹⁸⁷ Laya A. Etudes historiques sur la vie privée, politique et littéraire de M. A. Thiers: histoire de quinze ans: 1830–1846. Vol. 1. P., 1846. P. 17.

¹⁸⁸ Bellanger C., Godechot J., Guiral P., Terrou F. Histoire générale de la presse française. P., 1970. T. 2. P. 93–94.

Арман Каррель, позже перешедший на республиканские позиции. Но первым главным редактором «Насьональ» стал Тьер.

Наиболее четко и подробно принципы идеального представительного правления были изложены Тьером на страницах газеты «Насьональ» и в написанной им уже после Июльской революции 1830 года книге «Монархия 1830 года».

Так, в одной из самых первых статей в «Насьональ» Тьер написал: «Наследственный, неприкосновенный король <...> обязан вверить власть также ответственным министрам, которые будут объявлять мир и войну, составлять тексты законопроектов и управлять государственными средствами <...> таким образом, король будет поставлен над мелочными амбициями, над общественной ненавистью, когда в случае хорошего состояния дел он наслаждается бурной демонстрацией чувств своего народа, и наказан только его молчанием, когда дела идут плохо»¹⁸⁹. По мнению Тьера, король должен был исполнять функции арбитра.

«Ниже короля находятся пэры, независимые от министров самим фактом наследственного характера передачи их власти, чья просвещенность заставляет их быть восприимчивыми к общественному мнению. Богатые пэры <...> представляют самые знаменитые фамилии; они – консервативны как в своих традициях, так и в своих политических максимах и оказывают сопротивление всеобщей горячности человеческого разума»¹⁹⁰. Палата пэров должна была выполнять роль баланса между королевской властью и выборной палатой депутатов. Важно подчеркнуть, что Тьер считал необходимым для стабильности политической системы наследственную передачу звания пэра, на чем он будет настаивать и в годы Июльской монархии. Значение палаты пэров, по его мнению, заключалось в том, что она могла сдерживать демократические настроения палаты депутатов и придавала стабильность французской монархии.

Роль, которую отводил А. Тьер нижней палате парламента, была довольно существенной. В палату депутатов избиралась бы экономическая, военная и интеллектуальная элита Франции – «люди, отличившиеся в промышленности, армии, науке и искусстве»¹⁹¹. Парламент «представляет страну и провозглашает волю нации»¹⁹². Он должен был оказывать существенное влияние на монарха в вопросе формирования министерских кабинетов. Парламент не мог самостоятельно назначать министров, но он мог настоятельно предлагать королю свои кандидатуры. Такие министры обладали бы доверием парламента.

Таким образом, независимые друг от друга палата депутатов, палата пэров и монарх создавали бы прочную политическую систему, полагал Тьер к 1830 году: «Такая совокупность институтов создает наиболее стабильное и свободное, самое сбалансированное и сильное правительство. Именно такое правительство для Франции мы должны желать, и мы делаем это»¹⁹³. Описанный Тьером режим представительной монархии виделся ему идеальной политической системой. Именно такой он хотел видеть современную ему Францию. Тьер хотел, чтобы были созданы прочные механизмы власти, позволяющие государственной системе не зависеть от прихотей одного короля.

Адольф Тьер на страницах газеты «Насьональ» исподволь сравнивал идеального короля (в его представлении) с тем, который правил Францией, – то есть с Карлом X: «Такой король не является беспомощным, как некоторые любят говорить <...> Несомненно, кто-нибудь оказывает на него влияние. Когда короли были настоящими властителями? Вместо того чтобы подвергаться влиянию придворных, женщин и духовников, такой король испытывает влияние

¹⁸⁹ Le National, 3.I.1830.

¹⁹⁰ Ibidem.

¹⁹¹ Ibidem.

¹⁹² Ibidem.

¹⁹³ Ibidem.

общественного мнения, воздействующего на него мягко и регулярно»¹⁹⁴. По мнению Тьера, единственным выразителем общественного мнения в системе власти могла быть только палата депутатов, поскольку она избиралась гражданами. Только сильный парламент мог уберечь Францию от политических катаклизмов, полагал Тьер.

Уже в третьем номере «Насьональ» от 5 января 1830 года А. Тьер впервые упомянул режим Полиньяка. Он отметил, что парламентское большинство вступило в конфронтацию с министерством Полиньяка и во Франции возникла угроза государственного переворота со стороны правительства Реставрации: «...новое министерство столкнулось с выбором: либо распустить палату, либо самому уйти в отставку <...> Советуют совершить государственный переворот, распустив парламент. Одна часть министерства, наиболее энергичная, дала согласие на этот план»¹⁹⁵. Тьер подчеркивал, что только с помощью государственного переворота король сможет удержать у власти Ж. Полиньяка. Догадка Тьера, сделанная им в начале января, подтвердится через шесть месяцев.

Газета «Насьональ», привлекавшая внимание парижан смелостью высказываний ее журналистов, очень быстро стала популярной во французской столице. Как писал Тьер, «приходит очень много подписчиков, эффект в Париже исключительно велик»¹⁹⁶. Новая газета с самого начала четко и ясно дала понять, какое место она заняла в оппозиции и какие оценки она дает действующей власти: журналисты «Насьональ» защищали Хартию 1814 года, выступали за соблюдение свобод, сформулированных в этом документе, иначе говоря, за законность, против реакции короля и его министерства.

18 января 1830 года в газете «Насьональ» появилась статья Тьера, в которой была высказана его знаменитая максима: «Король правит, но не управляет»¹⁹⁷. Эта фраза, по сути, стала политическим кредо Адольфа Тьера. Она определяла роль королевской власти в политической системе Франции. В статье говорилось, что король не имеет единоличного права по своему усмотрению назначать министров, существуют также палаты, которые участвуют в этом важном процессе, и к их мнению следует прислушиваться. Эта статья была ответной реакцией на тот факт, что король без всяких консультаций с депутатами, полностью игнорируя их позицию, назначил Жюля Полиньяка своим первым министром.

Если в январе 1830 года Адольф Тьер призывал оппозицию только к легальному, законному сопротивлению, выражавшемуся в обструкции принимаемых законов и в отказе платить налоги, которые не были прописаны в Хартии 1814 года¹⁹⁸, то в феврале он и журналисты «Насьональ», видя растущую популярность собственной газеты, заняли более радикальную позицию по отношению к режиму Карла X. В феврале 1830 года Тьер стал публиковать статьи, в которых начал задавать вопрос, волновавший многих оппозиционеров: «...если нынешний режим откажется следовать нашей системе, то что тогда? Как мы можем установить режим представительной монархии и избежать повторения тяжких годов Революции?»¹⁹⁹. Надо подчеркнуть, что правление Карла X было для Тьера не представительной, а «консультативной» монархией, «иллюзией» представительного правления²⁰⁰. Тьер не считал, что во Франции сложилась действительно система представительной монархии.

В феврале 1830 года в своих газетных статьях Тьер начал активно проводить историческую параллель: эвентуальная смена Бурбонов на Орлеанов походила бы, в его представлениях,

¹⁹⁴ Le National, 3.I.1830.

¹⁹⁵ Le National, 5.I.1830.

¹⁹⁶ Цит. по: *Malo H. Thiers*. P. 116–117.

¹⁹⁷ Le National, 18.I.1830.

¹⁹⁸ *Thureau-Dangin P. Le parti libéral sous la Restauration*. P. 476.

¹⁹⁹ Le National, 8.II.1830.

²⁰⁰ *Thiers A. Discours parlementaires*. Vol. 1. P. 46; *Thiers A. La monarchie de 1830*. P. 34.

на смену Стюартов на династию Оранских в Англии в 1688 году²⁰¹ – то есть Тьер ссылался на опыт бескровной революции в Англии 1688 года. «Вот образец короля, ограниченного конституционными рамками», – написал он в одной из мартовских статей в «Насьональ» об английском короле Георге IV²⁰². По мнению Тьера, смена монарха не повлечет за собой отмену Хартии 1814 года²⁰³.

В другой статье в газете «Насьональ» Тьер писал: «Франция хочет сама собой управлять, потому что она это может. Называть ли это республиканским духом? Ничего не поделаешь с теми, кто любит запугивать словами. Этот республиканский дух, если хотите, существует, проявляется повсеместно и его уже невозможно подавить <...> Сегодня в мире существуют две формы правления, чтобы удовлетворить этот республиканский дух. Один путь: страна выбирает депутатов, которые обязывают монарха выбрать министров, которых он предпочитает, а монарх обязывает министров самим управлять. Другой путь: страна выбирает своих уполномоченных, министров и самого главу правительства каждые четыре года. Вот два пути <...> одни предпочитают второй путь. Но масса испытывает необъяснимый страх перед республиканскими выступлениями. Благоразумные люди <...> отвергают республиканскую форму. Таким образом, беспричинный (vague) страх одних, размышления других отдают предпочтение монархической форме правления <...> Есть только один способ помочь ей – доказать, что монархическая форма правления содержит в себе достаточную степень свободы, что она, наконец, осуществляет желание, потребность страны в том, чтобы самой управлять собой...»²⁰⁴.

Адольф Тьер выступил за конституционную представительную монархию по английскому образцу с парламентской формой правления. Он не отвергал американский опыт, но считал, что нет необходимости его копировать. По мнению Тьера, английское политическое устройство уже доказало свою состоятельность: «Государственное устройство Соединенных Штатов является новичком (débutant) среди форм правления <...> Их соседями являются только дикари из умирающей расы <...> Чтобы судить об этой системе, чтобы знать, насколько она жизнеспособна и самодостаточна, Соединенным Штатам надо было бы повстречаться с могущественными армиями наций...»²⁰⁵. Поскольку у Соединенных Штатов не было серьезных противников на континенте, сложно судить о жизнеспособности американской политической системы, утверждал Тьер. Следует также отметить, что под английской моделью государственного устройства Тьер понимал монархию, при которой все важные политические решения принимал парламент и министерство, сформированное им. Король в такой системе являлся скорее номинальной фигурой. Тьер не вкладывал никакого иного смысла в своих отсылках на английский политический опыт: он не являлся исследователем политической системы Великобритании, не погружался в глубокое изучение всех ее механизмов и взаимодействий. Он не написал ни одного произведения, в котором бы подробно изложил свое понимание английской политической системы.

Тьер, в отличие от ультрароялистов с их газетой «Котидьен», не считал, что во Франции сложилась революционная ситуация: «Мы не находимся в революционной ситуации. Смена династии – это не революция. Англия была настолько нереволуционной в 1688 году, что посадила на трон ближайшего родственника Якова II»²⁰⁶. Он настаивал на легальности такого политического шага, который, по его мнению, помог бы избежать пролития крови. Хотя объективно, открытый призыв к своим читателям о смене династии следует расценить именно как

²⁰¹ Le National, 9.II.1830.

²⁰² Le National, 4.III.1830, 31.III.1830.

²⁰³ Le National, 8.II.1830, 12.II.1830.

²⁰⁴ Le National, 19.II.1830.

²⁰⁵ Le National, 3.X.1830.

²⁰⁶ Цит. по: Guiral P. Adolphe Thiers. P. 62.

попытку политического переворота. В своей статье в «Насьональ» от 9 февраля 1830 года Тьер, проводя параллель с английской революцией, впервые допустил возможность восшествия на престол герцога Орлеанского²⁰⁷.

Журналист либеральной газеты «Глоб» Шарль де Ремюза позднее писал о редакторах газеты «Насьональ» следующее: «Тьер и Минье представляли ход Французской революции (1830 года. – *Примеч. И.И.*) как кривую, все точки на которой были заранее predetermined ходом Английской революции. Они почти с математической точностью подсчитали направление, по которому должны были развиваться события. Они без колебаний приняли то, что им казалось необходимым и неизбежным – смену династии, и даже желали этого»²⁰⁸.

Противостояние Карла X и парламента, не согласного с назначением королем нового главы Кабинета министров, постепенно нарастало. 16 марта палата депутатов приняла адрес, названный Адресом 221, так как за его принятие высказался 221 депутат, а против проголосовал 181 парламентарий. В этом адресе, составленном другом Тьера, хозяином либеральной газеты «Конститусьонель» Ш. Этьеном и Ф. Гизо, правительству Полиньяка настоятельно рекомендовалось уйти в отставку. Только образование нового министерства могло разрешить спор между народом и королем, отмечалось в адресе²⁰⁹. 22 мая 1830 года Тьер написал в одном из своих последних писем к барону Котта о сложной политической ситуации, сложившейся во Франции: «Король говорит, что он не уступит, что он скорее отречется...»²¹⁰.

Новые парламентские выборы были назначены на конец июня – начало июля 1830 года. Подготовка к новым выборам сопровождалась острой политической борьбой в печати по вопросу о правах обеих палат, о пределах королевской власти и о полномочиях министров. В периодической прессе, равно как и в политических памфлетах, партия ультрароялистов вела развернутое наступление на конституционные свободы, гарантированные Хартией, и готовила общественное мнение к фактическому восстановлению абсолютизма. Ведущее ультрароялистское издание «Газет де Франс» пропагандировало идеи о неограниченной королевской власти.

Так, например, газета утверждала, что суверенитет принадлежит одному королю, что палата пэров и палата депутатов существуют лишь «как формы королевской власти», что король может распускать палату депутатов «так часто, как это ему заблагорассудится», что он вправе единолично «менять существующую избирательную систему»²¹¹. В официальной правительственной газете «Монитор универсель» чуть раньше вышла статья, в которой говорилось, что король может выбирать министров по собственному усмотрению, а палаты не имеют права отклонять правительственный бюджет. Во Франции, утверждала газета, единственным носителем национального суверенитета выступает король, и правительство не является «органом парламентского большинства, как в США, или органом партии, как в Англии»²¹². Эта статья свидетельствовала о намерении Карла X свести на нет значение парламентских учреждений.

Либеральная пресса, напротив, требовала отставки Кабинета Полиньяка, неприкосновенности Хартии 1814 года, ответственности министров перед палатами, сокращения срока полномочий палаты с семи до пяти лет, введения областного и местного самоуправления, упразднения швейцарской наемной гвардии и восстановления Национальной гвардии (упраздненной указом Карла X в 1827 году), удешевления государственного аппарата, обеспечения

²⁰⁷ Le National, 9.II.1830.

²⁰⁸ *Rémusat de Ch. Mémoires de ma vie*. Vol. 2. P. 287.

²⁰⁹ Le Moniteur, 19.III.1830.

²¹⁰ *Marquant R. Thiers et le baron Cotta*. P. 498.

²¹¹ La Gazette de France. 5.V.1830.

²¹² Moniteur universel, 20.IX.1829.

свободы культов и борьбы с клерикальным засильем, большей свободы прессы, наконец, уменьшения налогового бремени²¹³.

Победа на этих выборах либеральных политиков обострила правительственный кризис, предсказанный Тьером еще 5 января 1830 года. 21 июля Тьер написал: «...предвещающие несчастье слухи повсюду разносятся сегодня по Парижу. Несмотря на всеобщее недоверие, которое демонстрировали люди до сегодняшнего дня, все мы пребываем в страхе от мысли, что до конца этого месяца Карлом X будет предпринят государственный переворот»²¹⁴. Через пять дней это предсказание Тьера сбылось.

26 июля 1830 года в официальном правительственном издании «Монитор» были опубликованы шесть королевских ордонансов. Согласно этим указам практически полностью отменялась свобода прессы, избранный парламент распускался и назначались новые выборы. При этом повышался ценз, по которому лишь богатые землевладельцы получали право на участие в выборах. Количество членов палаты депутатов сокращалось с 428 до 258 человек, а компетенции парламента еще больше ограничивались.

Газета «Насьональ» немедленно отреагировала на издание королевских ордонансов. Уже вечером 26 июля в помещении редакции собрались либеральные журналисты. В отличие от депутатов, которые все это время хранили молчание и только 28 июля, в разгар революции, сочинили очень умеренный протест против действий властей, журналисты были настроены радикально. По предложению Леона Пиле, редактора газеты «Журнал де Пари», было решено протестовать в прессе против ордонансов, угрожавших самому существованию свобод. Тьер возглавил протестное движение и взялся написать «протест» от имени всех журналистов.

В «протесте» говорилось, что король нарушил Хартию 1814 года и объявил себя выше любого закона, и, таким образом, вышел из правового поля. «В течение последних шести месяцев не раз возникали слухи, что законы будут нарушены и что совершается государственный переворот. Здравый смысл отказывался верить подобного рода слухам. Министерство отрицало их, называя клеветой. И тем не менее в «Мониторе» появились, наконец, эти пресловутые ордонансы, представляющие собой самое возмутительное нарушение законов. Течение законного порядка вещей прервано; началось господство силы»²¹⁵.

Адольф Тьер, как и все французские либералы того времени, призывал к легальному неповиновению: «В том положении, в каком мы находимся, повиновение перестает быть обязанностью. Граждане, призванные раньше всех к повиновению, суть журналисты; они же должны дать и первый пример сопротивления власти, вышедшей из пределов закона»²¹⁶.

Журналисты, осудив действия монарха и его кабинета, в тексте «протеста» призывали парламент к более активным действиям в деле сопротивления королевской власти: «Нам незачем указывать на то, что обязана сделать незаконно распущенная палата; но мы можем от имени Франции обратиться к ней с просьбой опереться на свое неоспоримое право и насколько возможно сопротивляться нарушению закона. Право это настолько неотъемлемо, как и то, на которое опираемся мы. Статья 50 Хартии гласит, что король может распустить палату депутатов, но для этого нужно, чтобы палата собралась, чтобы она проверила свои полномочия, чтобы она в своих действиях проводила систему, способную вызвать ее роспуск. Но до собрания палаты, до проверки ее полномочий существуют только выборы; они, следовательно, незаконны, так как изданы вопреки постановлениям Хартии. Следовательно, избранные депутаты, созданные на 3 августа, избраны и созваны на основании закона. Они и сегодня обладают теми

²¹³ Le National, 21.IV.1830.

²¹⁴ Ibidem.

²¹⁵ Цит. по: Грегуар Л. История Франции в XIX веке. М., 1894. Т. 1. С. 331.

²¹⁶ Там же.

же правами, какими обладали вчера. Франция умоляет их не забывать этого. Все, что они могут сделать, чтобы настоять на этом праве, они обязаны делать»²¹⁷.

Надо сказать, что «протест», составленный Тьером, – достаточно противоречивый документ. С одной стороны, Тьер обращался к депутатам французского парламента, чтобы те более активно использовали свои полномочия и не допустили кровопролития и уличных беспорядков, то есть чтобы конфликт между королевской властью и парламентом был разрешен мирным путем. С другой стороны, принимая во внимание стиль и используемые выражения (такие как «дать <...> первый пример сопротивления власти»), Тьер должен был понимать, что этот протест мог быть интерпретирован читателями газеты как призыв, в том числе и к насильственным действиям по свержению власти в стране. Такие речевые обороты, как «течение законного порядка вещей прервано; началось господство силы» (в тексте «протеста») или «мы будем сопротивляться до конца» (в статье газеты «Насьональ» тех дней)²¹⁸ могли быть восприняты читателями двояко.

На следующий день после издания королевских ордонансов, 27 июля, началась революция. Через два дня, 29 июля 1830 года, Карл X согласился отменить ордонансы и отправить в отставку министерство Полиньяка. Во главе нового кабинета был поставлен герцог Мортемар, имевший репутацию сторонника Хартии 1814 года. В правительство вошли видные либералы: банкир Казимир Перье, генерал Этьен Жерар и другие. Такой вариант многим либералам показался разумным. Но Тьеру этого уже было мало, он с удвоенной энергией требовал смены не министерства, но государя, и даже целой династии, свидетельством чему служат его газетные статьи. По мнению Тьера, это был последний шанс спасти монархию: «...следовало решить главную сложность, то есть сохранить монархию, но поменять династию. Те, кто осмеливались сказать это или даже указать на это, были тогда самыми смелыми»²¹⁹. Тьер был убежден, что смена династии была необходима для утверждения конституционной монархии. Парламент должен был существенно ограничить власть монарха. В парламенте должно было формироваться депутатское большинство, определявшее государственную политику. Все решения парламента, формировавшего ответственное министерство, должны были неукоснительно соблюдаться. Именно поэтому и следовало основать новую династию, которая с этим бы согласилась, – такова была логика Тьера²²⁰.

Решение проблемы Адольф Тьер видел в избрании королем Луи-Филиппа Орлеанского. Необходимо оговориться, что идея приглашения на трон Луи-Филиппа Орлеанского принадлежала не Тьеру, а Жаку Лаффиту. Именно он первым предложил кандидатуру Луи-Филиппа в качестве французского монарха, а Тьер сразу же сделался горячим сторонником этой инициативы²²¹. Тьер считал, что новая династия будет обязана трон либералам и французской нации²²².

Вместе со своим другом Франсуа Минье Адольф Тьер написал манифест: «Карл X не может более вернуться в Париж; он пролил кровь народа»²²³. Республика нас разъединит; она

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ *Le National*, 27.VII.1830.

²¹⁹ *Thiers A. La monarchie de 1830*. P. 14.

²²⁰ *Ibid.* P. 15.

²²¹ *Duvergier de Hauranne P. L. Histoire du gouvernement parlementaire*. P., 1871. Vol. 10. P. 586; *Rémusat Ch. Mémoires de ma vie*. Vol. 2. P. 341; *Bory J.-L. 29 juillet 1830. La révolution de juillet*. P. 426–427; *Pinkney D. The French revolution of 1830*. L., 1972. P. 146.

²²² *Barrot O. Mémoires posthumes*. P., 1875. Vol. 1. P. 108–109; *Dupin A. Mémoires de Dupin aîné. Carrière politique, souvenirs parlementaires*. P., 1855. Vol. 2. P. 144–146; *Duvergier de Hauranne P. L. Op. cit.* Vol. 10. P. 573–576; *Bory J.-L. Op. cit.* P. 445; *Pinkney D. Op. cit.* P. 139.

²²³ Действительно, в результате Июльской революции 27–29 июля 1830 года на баррикадах погибли в общей сложности 3000 человек (см.: *Tulard J. Les révolutions 1789–1851*. P., 1985. P. 328.). Однако жертв могло быть и больше, если бы Карл X решился бороться за власть до конца.

поссорит нас с Европой. Герцог Орлеанский – это принц, преданный делу Революции. Герцог Орлеанский никогда не сражался против нас. Герцог Орлеанский был в Жеммапе²²⁴. Герцог Орлеанский шел под трехцветным знаменем. Только он может снова нести его, и мы не хотим никого другого. Герцог Орлеанский ждет нашего решения. Так провозгласим нашу волю, и он примет Хартию, как мы всегда этого хотели и ожидали. И именно французскому народу он будет обязан короной»²²⁵.

Уже 30 июля появились афиши с восхвалением деяний Луи-Филиппа – дело рук Тьера. Теперь оставалось только привезти герцога Орлеанского в Париж, и эта задача была возложена на Тьера. Банкир Ж. Лаффит и генерал Ф. Себастиани назначили его уполномоченным вести переговоры с Луи-Филиппом от имени всех французских либералов, и Тьер справился с поставленной перед ним задачей²²⁶.

Адольф Тьер также сумел убедить колеблющихся депутатов в том, что Луи-Филипп – это единственная возможная кандидатура. Это был успех Тьера. Конечно, он был не единственным, кто выступал за смену династии, но именно он проявил наибольшую активность в том, чтобы привести к трону Луи-Филиппа.

Оставалось убедить восставших в необходимости приглашения на трон Луи-Филиппа Орлеанского. Среди них были и те, кто думал о республике, во главе которой мог стать генерал Лафайет. Революционеры, уже готовые провозгласить Республику, сосредоточились в Ратуше, а парламент хранил молчание и оставался лояльным королевской власти. Король со свитой и верными войсками укрылся в Рамбуйе. Об этом троевластии точно написал Шатобриан: «Монархия в палате, Республика в Ратуше, Узурпация в Королевском дворце»²²⁷.

Утром 31 июля известный либерал Шарль де Ремюза, приходившийся мужем дочери Лафайета, смог упросить генерала не выставлять свою кандидатуру. При этом было оговорено условие, что герцог Луи-Филипп гарантирует широкие конституционные свободы; Лафайет согласился, о чем впоследствии, вероятно, жалел. Шатобриан отмечал: «Он не мог не согласиться, что милый друг Филипп надул его сильнее, чем кого бы то ни было»²²⁸. Путь к короне герцогу Орлеанскому был открыт.

2 августа 1830 года Карл X отрекся от престола в пользу своего малолетнего внука – будущего графа Шамбора. Но уже 7 августа палата депутатов, проигнорировав решение Карла X, объявила трон вакантным и официально предложила его герцогу Луи-Филиппу Орлеанскому. Через два дня, 9 августа 1830 года, герцог Орлеанский взошел на престол как «король французов». 14 августа 1830 года была принята Хартия 1830 года, являвшаяся, по сути, прежней Хартией 1814 года, в которую были внесены некоторые изменения. Была опущена преамбула о даровании конституции королевской властью. Иными словами, Хартия 1830 года приобрела характер договора, заключенного между монархом и народом. Запрещалось введение цензуры, король был лишен права отменять законы и приостанавливать их действие, иными словами, изымалась противоречивая статья 14 Хартии 1814 года, на которую ссылался Карл X в июле 1830 года. Был понижен возрастной ценз: для избирателей – до 25 лет, для депутатов – до 30-ти. Хартия 1830 года несколько сократила и имущественный ценз (200 и 500 франков прямого налога соответственно).

Здесь необходимо пояснить читателю, что воссоздание широкой панорамы политических событий в период Июльской революции 1830 года не является предметом настоящего исследования. Одна из его целей состоит в том, чтобы проследить роль Тьера в этой революции.

²²⁴ Сражение при Жеммапе состоялось 6 ноября 1792 года между войсками революционной Франции и европейской коалицией.

²²⁵ Цит. по: *Lecomte G. Op. cit.* P. 33.

²²⁶ BNF. Papiers de Thiers. NAF. № 20601. Fol. 23. *Récit de la visite de M. Thiers a Neuilly.*

²²⁷ *Шатобриан Ф. де. Замогильные записки.* М., 1995. С. 415.

²²⁸ Там же. С. 463.

Поэтому мы сосредоточились только на освещении деятельности Тьера в период «трех славных дней» – 27–29 июля 1830 года²²⁹.

Как видно, в 1820-е годы происходило становление политических взглядов Адольфа Тьера. Это проявилось прежде всего в его историческом труде «История Французской революции» и тех оценках, которые он давал по ходу изложения материала. Необходимо отметить, что многие его оценки не всегда совпадали с мнением других французских либералов. Так, например, Тьер не дал негативной оценки якобинской диктатуры в период Французской революции конца XVIII века, но это, однако, не означает, что он был сторонником Террора.

В рамках либеральных оценок той эпохи Тьер высказал свое отношение к Хартии 1814 года и либеральным свободам, зафиксированным в этом документе, таким как свобода личности, свобода вероисповедания, свобода печати, равенство всех граждан перед законом, равный доступ к должностям и неприкосновенность частной собственности.

Большое место в размышлениях Адольфа Тьера занимает идея представительного правления. Для него была незыблемой идея о том, что представительная монархия – идеальная форма правления. По его убеждению, всякое нарушение принципов представительного правления опасно для будущего Франции. Главная политическая установка для Тьера в годы Реставрации – власть не должна нарушать Хартию 1814 года и не должна посягать на основы представительного правления. Нарушение Хартии 1814 года в период министерства Ж. Полиньяка привело к тому, что Тьер перешел в непримиримую оппозицию к режиму Реставрации, и это предопределило его активное участие в Июльской революции 1830 года.

²²⁹ Подробнее о расстановке политических сил накануне и в период Июльской революции 1830 года см.: *Молок А. И.* Ордонансы 25 июля 1830 года и их подготовка // Вопросы истории. 1946. № 7; *Он же.* Политическая обстановка во Франции накануне Июльской революции 1830 года // Новая и новейшая история. 1960. № 6.

Глава 2

Между свободой и порядком: эволюция взглядов Тьера в 30 – 40-х годах XIX века

§ 1. Начинаящий политик

В октябре 1830 года началась государственная деятельность Адольфа Тьера – он стал депутатом французского парламента. В своей работе «Монархия 1830 года», написанной им в ноябре 1831 года, и в парламентских речах он определил свое отношение к Июльской революции 1830 года и к режиму Июльской монархии.

Причины Июльской революции 1830 года Тьер видел в нарушении королем Карлом X Хартии 1814 года с появлением ордонансов Полиньяка: «Карл X осмеливался делать, что угодно <...> Он создал знаменитое министерство 8 августа (1829 года. – *Примеч. И.И.*), которое издало ордонансы, приведшие к Июльской революции и Июльской монархии»²³⁰. Стремясь дать объяснение действиям восставших, Тьер всю вину за произошедшее возложил на короля: «Карл X совершил государственный переворот, а Франция совершила революцию»²³¹.

Тьер также писал, что, будь монарх умнее и уступчивее, революции бы не случилось. Даже самые маленькие уступки могли бы сохранить режим Реставрации: «Все говорили, что с честными выборами, парламентским большинством, чьи решения соблюдались бы, министерством, избранным парламентским большинством, и независимой прессой, все были бы свободны, достаточно свободны. Большого никто не требовал»²³².

Игнорирование мнения депутатов французского парламента явилось, по мнению Тьера, роковой ошибкой режима Реставрации: «Что означают эти слова: не нужно быть похожими на режим Реставрации? Ничего, кроме того, что нужно избежать всех его ошибок. Каковы эти ошибки, господа? До того как установился режим Реставрации, Франция испытала на себе опыт Революции и Империи. Во Франции были превосходные законы, законодательство – творение сорока лет новой жизни, результатом этого стало рождение свободных людей. У Франции еще была четкая административная система. Так чего же не хватало? Настоящей представительной монархии <...> которая единственно могла бы обеспечить благополучие процветающего и спокойного государства. Власть, которая предшествовала режиму Реставрации, оставила в нашем законодательстве радикальный след, заключающийся в том, чтобы никогда не давать Франции возможность иметь свой парламент <...> Режим Реставрации пренебрег парламентским большинством. В этой единственной ошибке заключаются все ошибки, и именно чтобы наказать этот режим, произошла революция. Какова в таком случае серьезная ошибка, которую следовало избежать? Не нарушать принцип парламентского большинства – большинства, которое является не чем иным, как выражением принципа народного суверенитета. Следовало принять этот принцип...»²³³, – отметил Тьер 29 ноября 1832 года.

В своих выступлениях того времени Тьер не раз обращался к историческому опыту Франции. Он отмечал: «...три опыта были получены нами: республиканский опыт не удался, Империя была случайностью, возврат к ней невозможен; представительная монархия, основывающаяся на божественном праве, на силе из-за рубежа, была изобличена в лицемерии и в обмане;

²³⁰ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 14.

²³¹ Ibidem.

²³² Thiers A. La monarchie de 1830. P. 14.

²³³ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 479.

она (такая представительная монархия. – *Примеч. И.И.*) не смогла удержаться. Теперь мы испытываем представительную монархию, основанную на <...> принципе, без которого пал режим Реставрации. Именно на принципе взаимного договора (между монархом и нацией. – *Примеч. И.И.*) основана новая монархия. В самом деле, нет никого, кто думает, что Хартия сегодня могла бы быть отнята, как это думали при Реставрации»²³⁴.

Тьер в своем труде «Монархия 1830 года» написал, что действия короля Карла X «поставили важный вопрос: независим или нет король от парламентского большинства в палатах? Может ли он назначать министров вопреки этому большинству?»²³⁵. Он сделал вывод, что режим Реставрации «это не представительная, а консультативная монархия. Все сводится к подаче ремонстраций»²³⁶. Таким образом, главное требование Тьера – король должен следовать воле парламентского большинства.

Цель Июльской революции 1830 года Тьер видел только в том, чтобы, сохранив монархическое устройство государства, поменять правительство, главу государства, который признал бы требования либеральной оппозиции: «... в стране, где земля полностью распределена, общественные обязанности разделены между всеми поровну, в гражданском кодексе царит равенство; где уголовные законы умеренны и гуманны, где существует Хартия и двухпалатный парламент с ежегодным вотированием бюджета, где единственное различие – различие между избирателем, депутатом, пэром <...> так что же здесь менять? <...> единственное – подавить волю короля и сохранить монархию»²³⁷.

Но сделать это можно было, только сменив династию. Вот почему Тьер был сторонником Орлеанской династии: «... чтобы эта чисто политическая революция, касающаяся одного только правительства, оказалась полноценной, необходимо было сделать больше, чем поменять короля; надо было поменять династию, перейти от одной ветви к другой; отвергнуть Генриха V, который был легитимен, ради герцога Орлеанского, который не был легитимен и который мог искать свою легитимность лишь у нации»²³⁸.

Адольф Тьер особо подчеркивал, что к 1830 году политическая система Франции уже полностью сформировалась и поэтому не требовала существенных изменений. «И вот господа! Можно было сказать в 1789 году, когда следовало разрушить феодальный строй; можно было сказать в 1800 году, когда следовало на руинах феодального строя построить новый строй, можно было тогда сказать: следует изменить систему. Но сегодня, после стольких потрясений, после Революции, после Наполеона, после пятнадцати лет представительного правления, сказать, что система нуждается в изменениях, означает не признавать усилий такого количества поколений, истощенных переделыванием нашей конституции. Нет, господа, систему надо совершенствовать, но делать это медленно»²³⁹, – настаивал Тьер 31 декабря 1831 года.

Революция 1830 года, по мнению Тьера, стала логическим завершением Французской революции 1789 года: «Я – убежденный сторонник того, что называют Революцией, и я нашел в этом Кабинете министров только людей, которые разделяют мое убеждение <...> Для меня Революция началась в 1789 году и закончилась на самом деле только в 1830 году; ибо только лишь в 1830 году Франция получила представительную монархию, которая и была целью этой революции...»²⁴⁰.

Тьер отмечал особый характер Июльской революции, ее отличие от Французской революции 1789 года. Он полагал, что задачи революции 1830 года совсем иные, чем у революции

²³⁴ Ibid. Vol. 2. P. 282.

²³⁵ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 13.

²³⁶ Ibid. P. 14.

²³⁷ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 40.

²³⁸ Ibid. P. 41.

²³⁹ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 284.

²⁴⁰ Ibid. Vol. 2. P. 398.

конца XVIII века: «Мы говорили, что мы не находимся в 1789 году, что мы не думаем разрушать плохую администрацию, ошибочное и противоречащее времени и нравам правительство; что мы только хотели усовершенствовать администрацию, которая была результатом Революции и Империи; что нашей целью было усовершенствование, а не потрясение, что справедливый социальный порядок был установлен Гражданским кодексом; несомненно, следовало провести некоторые изменения в нем»²⁴¹.

Проводя сравнение революций 1830-го и 1789 годов уже как историк Французской революции 1789 года, Тьер указывал: «Нынешняя революция не похожа и ни в чем не должна быть похожа на свершившуюся 40 лет назад революцию; что ее цель, средства, дух – все должно быть разным. К счастью, вся страна это сегодня поняла. Благодаря правительству, королю, народу наша революция не пролила кровь»²⁴². Подчеркивая мирный характер Июльской революции 1830 года, он развил свою мысль: «Революция 1830 года примирила все режимы и партии. Она ничего не разрушила, кроме династии, кроме отмены некоторых ограничений для осуществления наших политических прав. Она установила нормальную работу наших институтов, парализованных свергнутой династией. В управлении она лишь продолжила дух улучшения»²⁴³.

Таким образом, революция 1830 года не могла расколоть страну, как это было в 1789 году: «Революция 1830 года не могла встретить такой враждебности и озлобленности. Первый день сражений избавил ее от династии; это сделано, и она больше никого не обезоружила, не ограбила. В 1830 году у духовенства не отбирали имущество, а у помещиков Юга и Вандеи – землю, титулы, их право на феодальные повинности крестьян; у подозреваемых не конфисковали имущество и их не высылали из страны. Ничего похожего на 1789 год»²⁴⁴.

Тьер отмечал ограниченный характер преобразований, отсутствие острой борьбы между различными социальными группами. Поскольку революция носила достаточно мирный характер²⁴⁵, то поэтому и не должно быть серьезного раскола в обществе, полагал он. Это позволяло надеяться на дальнейшее «поступательное» развитие Франции без насилия и потрясений. «Обещанием Июльской революции было не начинать снова революцию 1789 года с ее крайностями»²⁴⁶, – настаивал Тьер.

Отношение нового режима к оппозиционным политическим силам Франции Тьер определил двумя словами: «милосердие и законность»²⁴⁷. Он пояснял: «Революция 1830 года была милосердной. То есть в Париже, как и в провинциях, она должна позволить всем воспользоваться преимуществами законов; говорить, писать, отмечать религиозные церемонии. Это значит, что по всей Франции революция позволит газетам любой направленности осыпать ее самыми грубыми оскорблениями, распространять неверные новости и доктрины...»²⁴⁸. По мысли Тьера, новое государство должно было основываться на либеральных принципах, а значит, все должны иметь возможность свободно выражать свое мнение, «позволить критиковать, лгать, бравировать, ненавидеть, проклинать; позволить каждому исповедовать свою веру, даже если она вредит вашему существованию и процветанию»²⁴⁹.

Тьер обещал соблюдение этих прав всем политическим силам в стране, в том числе и легитимистам, и республиканцам. Правительство Июльской монархии действительно обещало

²⁴¹ Ibidem.

²⁴² Thiers A. La monarchie de 1830. P. 51.

²⁴³ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 51.

²⁴⁴ Ibid. P. 49.

²⁴⁵ Хотя на баррикадах в июльские дни погибли почти 3000 человек (см.: Tulard J. Les révolutions 1789–1851. P. 328.), но Тьер умалчивал об этом в своих выступлениях и в книге «Монархия 1830 года».

²⁴⁶ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 48.

²⁴⁷ Ibid. P. 47.

²⁴⁸ Ibid. P. 53.

²⁴⁹ Ibid. P. 50.

всем политическим группировкам возможность воспользоваться своими правами и политическими свободами: «Мы оставили всем партиям право воспользоваться законами, ведь только законы завершают революции»²⁵⁰. По мнению Тьера, установление порядка было неразрывно связано с принятием законов.

В книге «Монархия 1830 года» Тьер употребил выражения «законная» и «легитимная революция». Он поставил важный вопрос: может ли революция вообще быть «законной»? Его ответ – да, некоторые революции могут быть законными, и такой была Июльская революция 1830 года: «Законность революции 1830 года определяется политической необходимостью, которая стала ее причиной»²⁵¹. Отвечая своим политическим оппонентам, утверждавшим, что новый монарх не был легитимен, Тьер утверждал, что легитимность монарха заключена в воле нации. А эта воля находит подтверждение в том, что население Франции послушно платит налоги, записывается в Национальную гвардию и посылает депутатов в парламент.

На наш взгляд, Тьеру все же не удалось опровергнуть фундаментальный тезис своих оппонентов в «незаконности» Июльской революции. К тому же он не упомянул о том, что из 430 депутатов на заседании присутствовали только 252 парламентария, когда принималась новая Хартия, и только 219 депутатов голосовали за пересмотр Хартии 1814 года²⁵².

Значительное место в книге «Монархия 1830 года» занимают размышления о праве нации на революцию. «Когда электорат управляется в духе, противоречащем его интересам, нуждам и высказываемым пожеланиям, он имеет право сбросить это правительство»²⁵³. Использование Тьером слова «электорат» знаменует важное изменение в его политическом дискурсе по сравнению с периодом самой революции 1830 года. Тогда в его газетных статьях в подавляющем большинстве случаев фигурировало слово «народ». Электоратом во Франции того времени являлась немногочисленная прослойка зажиточных земельных собственников, промышленной и финансовой буржуазии, составлявшая относительно невысокий процент по отношению ко всему населению Франции. Таким образом, с 1830 года только за небольшой группой крупных собственников Тьер признавал право свергнуть правительство (в том числе и путем насильственных действий). Остальным жителям Франции он отказывал в праве «сбросить это правительство», в праве на «законную революцию».

Важным итогом, достижением Июльской революции 1830 года Тьер считал тот факт, что при Луи-Филиппе представительная монархия стала реальностью, а не иллюзией, как это было при Карле X²⁵⁴. Он утверждал: «Господа, мы долго желали представительного правления как гарантии покоя и свободы для нашей страны. У нас долго была лишь его видимость, наконец, мы получили реальное представительное правление»²⁵⁵. Тьер также отмечал, что «при последнем правительстве у нас был аппарат представительного правительства; были палаты, их слушали, когда у тех было одинаковое с правительством мнение. Но когда в 1829 году это раболепие закончилось, последовало восьмое августа (8 августа 1829 года Карл X назначил Полиньяка премьер-министром Франции. – *Примеч. И.И.*), а затем и революция»²⁵⁶.

По убеждению Тьера, с восшествием на престол нового монарха, Луи-Филиппа Орлеанского, ситуация изменилась. Тьер утверждал 1831 году, что «новый король не рассматривал нашу Хартию как подаренную им, но он рассматривал себя как сторону, связанную договором, которая не может его изменить без воли всех сторон, то есть двух палат; считал обязательным обращаться к парламентскому большинству в палатах по всем вопросам, и чтобы что-то полу-

²⁵⁰ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 56.

²⁵¹ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 35–39.

²⁵² Thureau-Dangin P. Histoire de la monarchie de Juillet. Vol. 1. P. 28.

²⁵³ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 35–39.

²⁵⁴ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 46; Thiers A. La monarchie de 1830. P. 34.

²⁵⁵ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 46.

²⁵⁶ Ibid. Vol. 1. P. 124.

чить был обязан договариваться с парламентским большинством посредством министерства, сформированного в его рядах»²⁵⁷.

В 1834 году Тьер отмечал: «Скажут ли вам эти министры (назначенные при Июльской монархии. – *Примеч. И.И.*), как министры Реставрации:

“Король нас назначил. Вы можете отклонить тот или иной закон, но нас назначили, и мы останемся министрами”. Нет, господа, они вам скажут: “Король нас назначил, но мы будем просить поддержки у палат. Лишите нас этой поддержки ясно и недвусмысленно, и мы уйдем в отставку”. Представительная монархия оформилась во Франции в тот день, когда министры стали опираться не только на назначение короля, но также стали просить поддержки у палат»²⁵⁸. «Вот тот принцип, – говорил он, – который вскрывает разницу между представительным правительством Карла X и представительным правительством Луи-Филиппа, разницу между иллюзией и реальностью»²⁵⁹.

Одновременно Тьер подчеркивал, что приглашение на трон либерального правителя не было единственным изменением в Хартии: «Эта исключительно политическая революция содержала в себе и другие изменения: моментально была снята масса ограничений, которые без революции могли быть отменены лишь со временем. Также убрали статью 14, что позволило дать палатам законодательную инициативу снизить возраст депутата с 40 до 30 лет, а возраст электората – с 30 до 25 лет; понизить выборный ценз для депутата с 1000 до 500 франков, а ценз электората с 300 до 200 франков; расширить полномочия местных органов власти в провинциях, учредить институт Национальной гвардии; внести изменения в текст Хартии. Короче, одним росчерком пера добились того, на что потребовались бы годы»²⁶⁰.

По мысли Тьера, основными чертами представительной монархии являлись: во-первых, наследственный и обладающий неприкосновенностью король; во-вторых, ответственные перед парламентом министры; в-третьих, наличие двухпалатного парламента; в-четвертых, ежегодные голосования по налогам; наконец, в-пятых, свобода прессы²⁶¹.

Особое место во взглядах Тьера на представительную монархию занимал принцип парламентского большинства в палатах, который он определял как «выражение принципа народного суверенитета»²⁶². Этот принцип, по его мнению, должен был являться основополагающим для развития системы парламентаризма при Июльской монархии: именно палаты большинством голосов указывают королю на министерство, которое король должен назначить по представлению палат, доверив ему руководство страной. Это министерство должно быть ответственным перед палатами, которые его избрали (*élire*): «Мы говорим, что к мнению палат всегда нужно прислушиваться <...> граждане посредством своих представителей обсуждают свои дела – депутаты назначают (*nommer*) министров в результате своего влияния на власть»²⁶³. В данном случае речь идет о министерской ответственности, которая основана на принципе парламентского большинства. Если большинство высказывается против министерства, последнее должно уйти.

Для либерала Тьера значение палат в политической системе Франции было крайне важным фактором политической жизни его страны. Не случайно он написал: «Ради принципа парламентского большинства стоило сделать революцию, сбросить с трона одного и посадить дру-

²⁵⁷ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 33.

²⁵⁸ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 408.

²⁵⁹ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 34.

²⁶⁰ Ibid. P. 41.

²⁶¹ Ibid. P. 8.

²⁶² Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 479.

²⁶³ Ibid. Vol. 1. P. 124.

гого»²⁶⁴. Тьер считал, что при представительном правлении «никакой важный политический законопроект не может быть принят, если его не обсуждают в палатах»²⁶⁵.

Институт наследственного пэрства – еще одна дискуссионная проблема 30-х годов XIX века. Надо сказать, что согласно статье 23 Хартии 1814 года назначение пэров Франции принадлежало королю, их количество было неограниченным, и король мог назначать их пожизненно или по наследству на свое усмотрение. Согласно статье 68 Хартии 1830 года, принятой 14 августа 1830 года, вышеназванную статью 23 следовало пересмотреть в 1831 году²⁶⁶. 27 августа 1831 года премьер-министр Франции Казимир Перье предложил законопроект, по которому за королем сохранялась исключительная привилегия выбирать пэров, не ограничивая их числа, но отменив при этом наследственность. Отмена наследственного звания пэра вызывала наибольшие споры в обществе. Большая часть депутатов (включая и самого Казимира Перье) лояльно относилась к идее наследственного звания пэра. Но, как писал депутат А. Калмон, современник тех событий, ее отмены «требовал народ в своих манифестациях»²⁶⁷. Главе правительства было сложно через четырнадцать месяцев после Июльской революции защищать положение о наследственности палаты пэров. Поэтому Казимир Перье был вынужден пойти навстречу этому требованию.

Адольф Тьер в своей речи в палате депутатов 3 октября 1831 года защищал идею наследственного пэрства, от которой правительству под давлением народных масс пришлось отказаться. При этом он ссылаясь на английский опыт как на идеальный тип правления, который «соединил дух последовательности и постоянство аристократии с энергией демократии». Вывод Тьера сводился к необходимости наличия в политической системе Франции «посредника между монархией и демократией», которого он видел в палате пэров. Однако из его выступлений остается непонятным, почему палата пэров должна была оставаться именно наследственной – на этот вопрос Тьер так и не ответил.

Тем не менее Тьер настаивал на необходимости принятия закона о наследственности палаты пэров. В противном случае, считал он, Июльская монархия может пойти по пути американской политической системы, что, по его мнению, было неприемлемо для Франции²⁶⁸. Между американской и английской системами французский либерал отдавал предпочтение последней, так как считал ее проверенной и доказавшей свое превосходство в течение длительного времени. Американская система еще не продемонстрировала свою прочность, считал Тьер. К ее недостаткам он относил прежде всего то, что в Америке «вся исполнительная власть зависела от результатов выборов».

Адольф Тьер, призывая следовать английской модели политического устройства, был непоследовательным, так как не учитывал, что в Великобритании, которая казалась ему идеалом политического устройства²⁶⁹, уже в 1832 году был принят «Акт о реформе», по которому голосовал каждый тридцатый британец²⁷⁰. В то же время во Франции вплоть до свержения Июльской монархии голосовал только один из 155–165 французов²⁷¹. Разрыв между так называемой *pays réel* (все население) и *pays légal* (граждане, имевшие право выбирать) был колоссальным.

²⁶⁴ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 34.

²⁶⁵ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 511.

²⁶⁶ Cahen L., Mathiez A. Les lois françaises de 1815 à 1914, accompagnées des documents politiques les plus importants. P., 1933. P. 68; Duguît L., Monnier H. Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. P., 1915. P. 216.

²⁶⁷ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 151.

²⁶⁸ Ibid. Vol. 1. P. 187.

²⁶⁹ Ibid. P. 150.

²⁷⁰ Ibid. Vol. 9. P. 30.

²⁷¹ Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М., 2006. С. 89.

Необходимо отметить, что в представлениях Тьера представительная монархия была неразрывно связана с цензовыми выборами: «Следуя вашей логике, каждый индивид в силу своего существования составляет часть общества и в силу своего существования имеет право быть избирателем <...> Я повторяю, мы не считаем, что он является избирателем по праву. Избирателем является тот, кто полезен своей стране. Избирателями могут быть только те, кого страна посчитает полезным и кого страна объявляет таковым в соответствии с законом. В обществе 33 миллиона индивидов. Вероятно, нельзя их всех собрать, ибо одну часть составляют люди, лишённые политических прав. Другую часть составляют в том числе шахтеры, недееспособные старики, люди, у которых нет будущего, просвещенности, которые, обливаясь потом, едва сводят концы с концами – эти люди не могут быть допущены к осуществлению избирательных прав, общество их отвергает. Вы называете это ограничением, мы называем это принципом полезности <...> общество объявляет избирателями тех, кого оно считает способным, и никого другого»²⁷².

Фраза Тьера, указывающая на уровень образования, просвещенности, по-видимому, означает, что он склонялся к идее голосования «talentov», на чем будет настаивать уже в 40-е годы XIX века. Всеобщие выборы пугали его, так как судьба страны зависела бы от необразованных людей, не имеющих политической культуры, подверженных влиянию собственных эмоций и речей демагогов.

Тьер высказывался за те изменения в избирательной системе, которые произошли в 1830 году: «Снижение возраста до 25 лет, а ценза до 200 франков удовлетворило всех здравомыслящих людей, исключая сторонников всеобщих выборов; эти цифры были зафиксированы самой оппозицией в 1830-е годы»²⁷³. Но он выступал категорически против еще большего увеличения числа избирателей и проведения в будущем избирательной реформы: «Не цифрами решается подобный вопрос, а осторожностью, знанием своей страны. Осторожные люди, которые хотят вести свою страну по пути свободы, знают, что по этому пути идут только шаг за шагом, вначале дают ей одну степень свободы, а потом, когда она сможет ее выдержать, ей дают другую степень свободы. Это проверяется не ранее, чем через три года <...> На настоящий момент число избирателей нам кажется достаточным, было бы неосторожно бесконечно расшатывать основы общества»²⁷⁴.

Свое нежелание расширять избирательный корпус Тьер объяснял прежде всего недостатком образования соотечественников. По его мнению, это приводило к отсутствию просвещенности, что в свою очередь необходимо для того, «чтобы интересоваться политическими вопросами»²⁷⁵. Он считал, что преимуществом действовавшей избирательной системы являлась стабильность режима: «...пока власть находится у среднего класса, который хочет порядка, потому что он все потерял бы при беспорядке, нет опасности для Революции и для Июльского правительства <...> Вы хотите забрать власть у мудрых и умеренных классов, чтобы ее получили беспокойные и пылкие классы...»²⁷⁶.

Адольф Тьер боялся, что если каждый француз будет участвовать в голосовании, то правительство будет всегда «составляться исходя из пристрастий одного дня»²⁷⁷. 15 апреля 1833 года он заявил в парламенте, что «бедные классы <...> являются главной опорой любого правительства» и тотчас же добавил: «...так как они поставляют солдат государству и фор-

²⁷² Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 1. P. 532.

²⁷³ Thiers A. La monarchie de 1830. P. 37. Напомним, что по Хартии 1814 года депутатами могли стать лица в возрасте не моложе 40 лет и уплачивающие в виде налогов не менее 1000 франков.

²⁷⁴ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 2. P. 183.

²⁷⁵ Ibid. P. 185.

²⁷⁶ Ibid. P. 401.

²⁷⁷ Ibid. Vol. 1. P. 217.

мируют большую часть налогоплательщиков»²⁷⁸. Но Тьер отказывал им в участии в политической жизни страны: «Надо все делать для бедных, кроме того, как давать им решать важные вопросы»²⁷⁹. Таким образом, его позиция в этом вопросе была скорее консервативной, он постоянно выступал против расширения избирательного корпуса.

Еще одной важной проблемой является отношение Тьера к проблеме народного и теократического суверенитета. В первую очередь необходимо отметить, что он отрицал правомерность теократического суверенитета – то есть суверенитета, основанного на божественном происхождении власти монарха: «Представительная монархия, основанная на принципе божественного права, с правительством, которое опиралось на ультрамонтанство²⁸⁰, за границу, была невозможна...»²⁸¹.

Также негативно Тьер относился и к идее народного суверенитета. Он утверждал: «При Реставрации монархия находилась под влиянием злых намерений, под игом одной партии, партии прошлого. Эта партия, которую называют ультрароялистской, говорила, что над Хартией существует суверенитет, который мог аннулировать саму Хартию <...> Сегодня у нас есть партия, которая нам говорит, что наряду с суверенитетом Хартии существует другой суверенитет <...> партия, которая хотела бы, как ультрароялисты, каждый день изменять избирательный закон; партия, которая также требует тайных обществ, которая требует от вас развязывания войны <...> партия, которая говорит нам, что революция была совершена исключительно ею и для нее; партия, которая требует от вас пролития крови (имеются в виду республиканцы. – Примеч. И.И.)»²⁸².

Адольф Тьер называл народный суверенитет «народным абсолютизмом», сравнивая его с королевским абсолютизмом: «...мы отвергаем принцип народного абсолютизма, такого же опасного и необоснованного, как королевский абсолютизм...»²⁸³. Он признавал только принцип национального суверенитета: «Что касается национального суверенитета, мы его признали, и всегда будем признавать. Именно на принципе национального суверенитета основан трон...»²⁸⁴.

В своих выступлениях Тьер часто ставил знак равенства между народным и национальным суверенитетами, называя народный суверенитет национальным, поскольку, как он считал, «слово “национальный” включает в себя все части общества...»²⁸⁵. На самом деле Тьер лукавил, подменяя принцип народного суверенитета принципом национального суверенитета. Под национальным суверенитетом он понимал только электорат, так называемую *pays légal*, которая обладала правом избирательного голоса: «...палаты формируют национальный суверенитет»²⁸⁶. Иными словами, вся власть должна была принадлежать не *pays réel* (все население), что предполагал народный суверенитет, а только *pays légal* (граждане, имевшие право выбирать).

Главным достижением Июльской монархии, как уже отмечалось, Тьер называл окончательное утверждение во Франции представительного правления. Это, по его мнению, идеальная форма правления, которая позволяла надеяться на мирное и поступательное развитие Франции. В то же время существенной особенностью Тьера как либерального политика было

²⁷⁸ Ibid. P. 174.

²⁷⁹ Ibid. Vol. 9. P. 30.

²⁸⁰ Ультрамонтанство (от *лат.* *ultra montes* – за горами, то есть за Альпами, в Риме), религиозно-политическое направление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти Папы Римского и его право вмешиваться в светские дела любого государства.

²⁸¹ Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 2. P. 282.

²⁸² Ibidem.

²⁸³ Ibidem.

²⁸⁴ Ibidem.

²⁸⁵ Ibidem.

²⁸⁶ Ibid. Vol. 1. P. 124.

то, что он склонялся не просто к представительной монархии, но скорее даже к парламентской монархии, то есть шел дальше многих французских либералов в своих политических требованиях. Следует заметить, что многие идеи Тьера о характере французской политической системы созвучны представлениям левого либерала старшего поколения Бенжамена Констана, изложенным в его трактате «Политические принципы»²⁸⁷. Это и двухпалатный парламент с наследственной палатой пэров, и политически весомая нижняя палата, национальный суверенитет и внимание к роли общественного мнения в политической системе. Таким образом, допустимо заключить, что с точки зрения государственного строительства в начале 30-х годов XIX века Тьер был носителем леволиберальных взглядов.

Взгляды Адольфа Тьера по вопросу о политической системе во Франции серьезно отличались от правых либералов, идейным вдохновителем которых был Франсуа Гизо. Так, Гизо считал, что король имеет право назначать министров, лишь считаясь с мнением палат, но не подчиняясь воле большинства. Напротив, Тьер был убежден, что король обязан следовать воле парламента, а Кабинет министров должен отчитываться за свои действия не перед королем, а перед парламентом. Таким образом, он отводил королю очень ограниченные властные полномочия.

²⁸⁷ Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм. Сборник. М., 2000. С. 289.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.